

ISSN 2225-5346

СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2012

2

Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2012

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2012
№ 2

Калининград:
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2012.
124 с. + 3 л. отд. цв. ил.

Точка зрения авторов
может не совпадать
с мнением редсовета
и редколлегии

Редакционный совет

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, профессор, ректор БФУ им. И. Канта (Россия, Калининград) — председатель;
М. Е. Швидкой, д-р искусствоведения, профессор, зав. кафедрой государственного управления в сфере культуры факультета госуправления МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва) — сопредседатель;
Ф. Апанович, д-р филол. наук, профессор, прорекан филологического факультета Гданьского университета (Польша, Гданьск); *М. Н. Громов*, д-р филос. наук, профессор, зав. сектором истории русской философии РАН, проректор Государственной академии славянской культуры (Россия, Москва); *И. Н. Данилевский*, д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Россия, Москва); *Л. А. Кудрявцева*, д-р филол. наук, профессор Киевского национального университета им. Т. Шевченко, президент Украинской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, член Президиума МАПРЯЛ (Украина, Киев); *Г. Кундротас*, д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Литовского эдукологического университета (Литва, Вильнюс); *Б. Н. Тарасов*, д-р филол. наук, профессор, ректор Литературного института им. А. М. Горького (Россия, Москва); *Б. Ханзен*, д-р филол. наук, профессор, директор Института славистики Регенсбургского университета (Германия, Регенсбург)

Редакционная коллегия

† *В. И. Грешных*, д-р филол. наук, профессор — главный редактор
Т. В. Цвигун, канд. филол. наук, доцент — зам. главного редактора
А. О. Чубарьян, д-р ист. наук, академик РАН — научный редактор
Н. Г. Бабенко, д-р филол. наук, профессор
А. И. Васкиневич, канд. филол. наук, доцент
В. И. Гальцов, канд. ист. наук, доцент
В. И. Повилайтис, канд. филос. наук, доцент
В. А. Смирнов, канд. полит. наук, директор Института балтийских исследований БФУ им. И. Канта
А. Н. Черняков, канд. филол. наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНО

<i>Бабенко Н.</i> Русский язык в инокультурной среде: проблемы и пути их решения	9
--	---

ЯЗЫК: ПУЛЬС ВРЕМЕНИ

Русский язык: преодоление политических границ. Материалы Международной конференции «Культура сохранения языка межнационального общения в странах СНГ и Балтии». Подготовка и составление <i>Т. Цвигун</i>	17
---	----

Динамика русскоязычного пространства в странах СНГ и Балтии: культурная потребность или прагматический запрос?

<i>Золян С.</i> Русский язык и культурно-цивилизационное пространство СНГ	23
---	----

<i>Млечко Т.</i> Русская языковая личность в социокультурном измерении новой диаспоры	30
---	----

<i>Гапоненко А.</i> Латвийский опыт организации референдума за русский язык	36
--	----

<i>Эшонкулов А.</i> Русский язык – уникальное средство межнационального общения на пространстве СНГ	41
---	----

<i>Евстратова С.</i> Использование русского языка в средствах массовой информации Эстонии	44
---	----

<i>Чарота И.</i> О реально значимом и оптимальном статусе русского языка вне России (на основе опыта Беларуси)	49
--	----

<i>Салимов Р.</i> Проблемы языковой политики и развития языков в многоязычном Таджикистане	56
--	----

<i>Бондарев А.</i> «Промежуточное положение» высказывания в диалоге языков и культур	61
--	----

<i>Сарсекеева Н.</i> Роль традиции изображения «искателя истины» в современной литературе Казахстана в контексте межнационального диалога	66
---	----

Языковая образовательная политика в странах СНГ и Балтии: новые тренды

<i>Кудоярова Т.</i> Культурологическая составляющая в обучении русскому языку как неродному в странах СНГ и Балтии	73
--	----

<i>Старичёнок В.</i> Русский язык в Беларуси: состояние, перспективы.....	76
<i>Балиайтите Д.</i> О статусе русского языка, о реформе образования и об обучении русскому языку в Литве	81
<i>Каримова И.</i> Государственная политика Республики Таджикистан в вопросах развития русского языка в современном образовательном пространстве.....	86
<i>Джусупов М.</i> Образовательный статус инофонного языка в тюркском мире евразийского полиэтнического пространства	91
<i>Дашиян Н.</i> Статус русского языка и проблемы билингвизма в Армении.....	96
<i>Калакаускас И.</i> Русская школа в Эстонии: есть ли возможность ее сохранить?.....	100
<i>Гнеушева Л.</i> Русский язык в школах Клайпеды: проблемы и победы.....	104

ИСТОКИ

<i>Мальцев Л.</i> Арсений Суханов: паломник, писатель, библиофил	111
Проскинтарий. Хождение старца Арсения Суханова в 7157 году во Иерусалим и прочия святые места для описания святых мест и греческих церковных чинов (отрывок)	115
<i>Summary</i>	119
<i>Об авторах</i>	121

CONTENTS

FEATURE

- Babenko N.* Russian language in the environment of another culture: problems and their solutions..... 9

LANGUAGE: THE PULSE OF LIFE

- Russian language: negotiation of political boundaries (Proceedings of the International Conference "Culture of language preservation of international communication in the CIS and Baltic countries"). Preparation and compilation *T. Tzvigun* 17

Dynamics of Russian-speaking environment in the CIS and Baltic countries: cultural necessity or pragmatic request?

- Zolyan S.* Russian language and cultural-civilizational environment of the CIS..... 23
- Mlechko T.* Russian linguistic personality in the socio-cultural dimension of new expat community 30
- Gaponenko A.* Latvian practice of organization of referendum for Russian language..... 36
- Eshonkulov A.* Russian language as a unique means of international communication within the CIS..... 41
- Eostrateva S.* Use of Russian language in the Estonian mass media 44
- Charota I.* About very significant and optimal status of Russian language outside Russia (on the basis of Belorussia experience)..... 49
- Salimov R.* Problems of language policy and language development in multilingual Tajikistan..... 56
- Bondarev A.* "In-between position" of predicate in a dialogue of languages and cultures 61
- Sarsekeeva N.* Role of tradition of "truth finder" representation in contemporary literature of Kazakhstan in the context of international dialogue..... 66

Language educational policy in the CIS and Baltic countries: new trends

- Kudoyarova T.* Culturological component of teaching Russian language as a non-native in the CIS and Baltic countries 73

<i>Starichenok V.</i> Russian language in Belorussia: state, perspectives.....	76
<i>Balshaytite D.</i> About the status of Russian language, educational reform and teaching Russian language in Lithuania.....	81
<i>Karimova I.</i> State policy of the republic of Tajikistan in the sphere of development of Russian language in modern educational environment	86
<i>Dshusupov M.</i> Educational status of foreign language in the Turkic world of Eurasian multi-ethnic environment	91
<i>Dashyan N.</i> Status of Russian language and problems of bilingualism in Armenia	96
<i>Kalakauskas I.</i> Russian school in Estonia: is there a possibility to save it?	100
<i>Gneusheva L.</i> Russian language in Klaipeda schools: problems and victories.....	104

ORIGINS

<i>Maltzev L.</i> Arseniy Suhanov: pilgrim, writer, bibliophile	111
Proskynetarion. Walking of starets Arseniy Suhanov (excerpt)	115
<i>Summary</i>	119
<i>Об авторax</i>	121

АКТУАЛЬНО

Только последовательная, кропотливая и творческая работа по созданию, порождению дискурса согласия может дать надежду на преобразование русских «диаспор катаклизмов» в процветающие и открытые миру сообщества не просто русскоговорящих, но «русскомыслящих», «русскочувствующих» людей — полноправных граждан новых независимых государств...

Н. Бабенко

Наталья Бабенко
(Калининград)

РУССКИЙ ЯЗЫК В ИНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В обширной проблематике, связанной с бытованием русского языка в странах СНГ и Балтии, особой остротой отличаются вопросы:

- сохранения чистоты русского языка в ситуации иноязычного окружения¹;
- обучения русскому языку детей, растущих в условиях диаспоры²;
- роли языка в сохранении или воссоздании русской семиосферы как среды культурного погружения носителя русского языка, проживающего в условиях доминирования иной национальной культуры;

¹ Например, об опасной тенденции в бытовании русского языка в Литве говорила на открытой дискуссии «Состояние и перспективы межкультурного взаимодействия в странах Балтии: фактор России», состоявшейся в БФУ им. И. Канта 1 апреля 2011 года, профессор Вильнюсского университета Дануте Балшайтите: «Сегодня перед преподавателями в школах и университетах стоит сложный вопрос: как обучить желающих *правильному* русскому языку. Очень серьезную роль в этой ситуации играют литовские русскоязычные СМИ. <...> Из 15 проанализированных мною номеров газет... мне удалось набрать 485 (!) предложений, в которых содержались те или иные речевые или стилистические ошибки. Почему я так заостряю внимание на языке русскоязычных СМИ в Литве? Потому что мне очень трудно объяснить студенту, что так говорить нельзя: вера в печатное слово по-прежнему очень велика, и верят больше не тому, *что* пишут, а тому, *как* пишут» [1, с. 24–25].

² Диаспора – «устойчивая совокупность людей единого этнического или национального происхождения, живущая за пределами своей исторической родины и имеющая социальные институты для поддержания и развития своей общности» [7].

- правового статуса русского языка в его отношении к титульному языку страны проживания наших соотечественников;
- сохранения русской идентичности;
- трансляции, актуализации посредством языка этнокультурной самобытности: русскости, «русского духа»¹;
- состояния, расширения и качественного обогащения русскоязычного информационного пространства в странах СНГ и Балтии;
- методики преподавания русского языка как родного и как иностранного;
- стратегии и тактики сопротивления языковой и культурной ассимиляции в обстановке этноцентрической ориентации новых независимых государств СНГ и Балтии;
- сохранения и распространения русского языка как лингва франка на всем постсоветском пространстве²;
- значения русского языка в формировании объективных представлений о России;
- роли и потенциала русского языка в обеспечении благоприятного «климата» для успешной межкультурной коммуникации — подлинного диалога культур.

Все приведенные позиции проблемны, равно значимы, взаимосвязаны, взаимозависимы и требуют комплексного решения.

Последнее пятилетие, хронологической «зарубкой» начала которого является ноябрь 2007 года — дата создания гуманитарного фонда «Русский мир», стало периодом пристального внимания к состоянию, «собираению» и нуждам Русского мира (а значит, и русского языка в мире) со стороны Президента, Правительства РФ, научного и преподавательского сообществ, писателей, деятелей культуры, общественных и религиозных деятелей.

Совместные усилия поборников идеи Русского мира позволили добиться многого. Так, в докладах на многочисленных научных конфе-

¹ «Русский язык можно сравнить с ценностью воды. Живя в краю с большим количеством озер и рек, кажется, что вода это вовсе не ценность — ведь ее так много. Совсем другое отношение к воде у жителей засушливых и пустынных мест, где любой источник воды — это источник жизни, и ее отсутствие приведет к исчезновению всего живого. Так и с русским языком и культурой за пределами России. Там, где живет русский язык, — там и сохраняются очаги русской культуры, менталитета и доброго отношения к России. Там, где он исчезает, — пропадает русский дух...» [6].

² Д. А. Медведев заявил на саммите глав государств СНГ в Душанбе 3 сентября 2011 года: «Мы будем работать в рамках СНГ над распространением знания русского языка, что ни в коей мере не принижает значения национальных языков, которые играют важную роль для каждого народа. Он [русский язык] помогает решать нам общие задачи» [3].

ренциях, в статьях, монографиях и учебниках нового поколения получили серьезное научное освещение как наиболее общие, узловые, так и имеющие частное значение, конкретное приложение вопросы о функциях и возможностях русского языка в исторических, экономических, геополитических и культурных условиях современного мира.

В рамках реализации Федеральной целевой программы «Русский язык» 2006–2010 годов были проведены многочисленные международные научные встречи в странах СНГ и Балтии. В 2011 году стартовала новая федеральная целевая программа «Русский язык», многие из планируемых в ее рамках мероприятий ориентированы на продвижение русского языка за рубежом.

В плотном графике конференциальных мероприятий 2011 года значились открытая дискуссия «Состояние и перспективы межкультурного взаимодействия в странах Балтии: фактор России» (Калининград, 1 апреля), круглый стол «О правовом положении и правовом статусе русского языка в странах Балтии» (Рига, 27–28 августа), Региональная конференция российских соотечественников стран Центральной Азии (Алма-Ата, 5–6 сентября), круглый стол «О статусе русского языка в Украине, Белоруссии, Молдавии» (Киев, 10–11 сентября), Всемирная тематическая конференция соотечественников «О статусе русского языка в зарубежных странах» (Москва, 17–18 октября), V Ассамблея Русского мира (Санкт-Петербург, 3–4 ноября), конференция российских соотечественников в Азербайджане «Роль русского языка в системе межнациональных отношений, взаимного сотрудничества и культурных связей» (Баку, 17 декабря), конференция «Россия и ее соседи: политика, экономика, безопасность и гуманитарное сотрудничество – повестка для равноправного партнерства» (Москва, 17 декабря). В Москве 1 марта 2012 года прошел семинар «Русский язык на постсоветском пространстве», организованный Институтом стран СНГ.

Ежегодно 10–15 международных мероприятий, направленных на поддержание статуса русского языка как средства кросскультурной коммуникации, проводится под эгидой МАПРЯЛ.

Разработаны и осуществлены (или начаты) перспективные сетевые проекты. Например, международный культурный проект создания Русских центров как дочерних структур фонда «Русский мир»¹. Из 76 существующих на сегодняшний день центров, открытых в 40 странах мира, 16 работают в странах СНГ (не считая 8 центров на Украине, которая де-юре не является членом Содружества), 5 – в странах Бал-

¹ Русские центры – «международный культурный проект, осуществляемый фондом "Русский мир" в партнерстве с ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами. Это уникальный модульный комплекс, имеющий типовую базовую комплектацию и специальные программы на-полнения, ориентированные на страну пребывания» [5].

тии. Библиотека каждого из центров оснащена справочной и учебной литературой по русскому языку.

Отдельного упоминания заслуживает проект создания модельной серии учебников языков народов СНГ как иностранных. Языком-посредником в этих учебниках выступает русский язык — язык межнационального общения на постсоветском пространстве. Пособия предназначены студентам, дипломатам, переводчикам, журналистам и представителям русской диаспоры, стремящимся к изучению языка страны проживания. Уже изданы учебники азербайджанского, таджикского, армянского, туркменского и украинского языков.

Для поддержки русского языка за рубежом Россотрудничеством разработан проект «Дорожная карта», реализация которого позволит объединить человеческие ресурсы Русского мира в 81-й стране.

В 2009–2011 годах в ходе реализации «Программы работы с соотечественниками за рубежом» состоялись международные фестивали «Великое русское слово» на Украине (в Крыму), «С Россией в сердце» в Казахстане, «Славянское наследие» в Беларуси, форум русистов Украины, I Всемирный фестиваль русского языка, в котором приняли участие 50 тысяч человек из 70 стран (Санкт-Петербург, ноябрь 2011).

В русскоязычном информационном пространстве в последнее пятилетие появились новые журналы гуманитарной направленности, на страницах которых активно обсуждаются актуальные вопросы функционирования русского языка в современном мире, в том числе в странах СНГ и Балтии.

Журнал «Слово.Ру: балтийский акцент» выходит в БФУ им. И. Канта. Как отметил в своем ответственном слове, адресованном читателям первого номера журнала, патриарх Московский и всея Руси Кирилл, «примечательно, что такое издание появилось в самом западном российском городе, геополитическое расположение которого обязывает к активному культурному диалогу с государствами Балтийского региона». Журнал призван служить полем откровенного и заинтересованного разговора о социальных и культурных реалиях жизни русских диаспор в странах ближнего и дальнего зарубежья, судьбах русского слова в России и за ее пределами, важных свидетельствах российской и мировой истории, прошлом и настоящем отечественной литературы, диалоге культур в странах Балтийского моря.

Журнал «Русский мир.RU» — издание фонда «Русский мир». Среди обширной тематики журнальных материалов представлены публикации о русском языке, литературе и культуре в РФ и в русских диаспорах.

Журнал «Русский мир.RU» — издание фонда «Русский мир». Среди обширной тематики журнальных материалов представлены публикации о русском языке, литературе и культуре в РФ и в русских диаспорах.

«Русский век» — ежемесячный иллюстрированный журнал для зарубежных соотечественников о России и русском мире. Издается с конца 2007 года по заказу МИД РФ во исполнение Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Распространяется в 110 странах мира. Читательская аудитория: русскоговорящие граждане сопредельных государств, не потерявшие духовной связи с исторической Родиной, испытывающие потребность вернуться на историческую родину; сотрудники посольств и консульств в зарубежных странах, культурных и общественных организаций соотечественников за рубежом; органов государственной власти РФ» [2].

«Единство в разнообразии» — общественно-политический журнал, адресованный соотечественникам в странах Центральной Азии. Издается при поддержке Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом. Распространяется в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане.

Журнал «Балтийский мир» также выходит при поддержке Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом. Цель его издания — способствовать интеграции формирующихся русских общин Латвии, Эстонии и Литвы.

Приведенные нами сведения о том, что сделано в поддержку русского языка в странах СНГ и Балтии (и шире — в мире), заведомо не обладают полнотой. И все-таки сделанного явно недостаточно. Пути решения поставленных в начале статьи проблем, связанных с положением и функционированием русского языка в инокультурной среде, намечены, но не проложены, не проторены должным образом. К тому же в странах СНГ и Балтии в настоящее время возникают обстоятельства, обостряющие отношения русской и титульной общин. Например, выступая на Всемирной тематической конференции соотечественников «О статусе русского языка в зарубежных странах» (Москва, 17–18 октября), директор Балтийского центра исторических и социально-политических исследований Виктор Гушин (Латвия) констатировал ухудшение правового положения соотечественников во всех странах Балтии, а председатель Координационного совета российских соотечественников Алексей Лобанов (Казахстан) выразил тревогу по поводу постепенной утраты русским языком в странах СНГ статуса языка межнационального общения и перехода

его в статус иностранного. По сообщению МТРК «Мир», более ста известных людей Казахстана обратились к президенту с просьбой приравнять русский язык к иностранному. При этом количество школ с русским языком обучения уменьшилось в Казахстане на 500. Продолжаются дерусификация речевого пространства на Украине, исход русскоязычных мигрантов из Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Украины. Референдум по вопросу придания русскому языку статуса второго государственного, проведенный в Латвии в феврале 2012 года, продемонстрировал нежелание большинства латвийских граждан пойти навстречу чаяниям русской общины. По мнению Татьяны Фаст, главного редактора русскоязычного журнала «Открытый город», «референдум привел к тому, что радикальные фланги укрепились в нашем обществе, а центр с треском провалился» [4].

Но ведь укрепление радикальных флангов в любой из стран СНГ или Балтии бесперспективно и чрезвычайно опасно для молодой государственности новых независимых стран. Насущная потребность современного момента — в подлинном диалоге, в успешной межкультурной коммуникации. Обеспечение такой коммуникации требует выработки новых стратегий общения русской и титульной общин в каждом из государств постсоветского пространства. Без высокой речевой культуры, без опоры на коммуникативный, риторический потенциал русского языка и языка доминирующей в той или иной стране нации, на объединяющий потенциал русской культуры достичь гармонизации межнациональных отношений невозможно. Только последовательная, кропотливая и творческая работа по созданию дискурса согласия может дать надежду на преобразование русских «диаспор катаклизмов» в процветающие и открытые миру сообщества не просто русскоговорящих, но «русскомыслящих», «русскочувствующих» людей — полноправных граждан новых независимых государств.

Список литературы

1. *Диалог* между культурами зависит от культуры диалога. Материалы открытой дискуссии // Слово.ру: балтийский акцент. 2011. № 1–2.
2. *Журнал «Русский век»*. URL: www.ruvek.info (дата обращения: 27.03.2012).
3. *Радио «Голос России»*. Юбилейный саммит СНГ в Душанбе. URL: <http://rus.ruvr.ru/2011/09/03/55594204.html>. (дата обращения: 21.03.2012).
4. *Референдум* о государственном статусе русского языка, прошедший в Латвии, завершен. Итоги подведены. Что дальше? URL: www.svobodanews.ru/content/transcript/24491289.html / (дата обращения: 24.03.2012).
5. *Русские центры*. URL: www.russkiymir.ru/rucenter/presentation.html. (дата обращения: 10.02.2012).
6. *Соколовский Ю.* Почему мы должны беречь русский язык. URL: www.ruvek.info (дата обращения: 25.03.2012).
7. *Blackwell*. Encyclopedia of Sociology. URL: <http://www.lib.utexas.edu/indexes/titles.php?id=516> (дата обращения: 29.03.2012).

**ЯЗЫК:
ПУЛЬС ВРЕМЕНИ**

...чтобы они — наши дети — через несколько лет говорили не о культуре сохранения русского языка, а о культуре русскоязычного пространства как об органичном информационном пространстве народов стран СНГ, Балтии и Грузии.

М. Швыдкой

И хотя в 1990-е годы русский язык оказался фактически наказанным, став заложником политических процессов, он и сейчас является эффективным средством международной и межкультурной коммуникации. Русский язык остается мощным фактором объединения людей, условием развития экономических, научных, образовательных и социокультурных процессов...

В. Никонов

Россия должна интенсифицировать процессы защиты по всем направлениям, руководству страны на государственном уровне очень важно предпринять шаги по защите и популяризации русского языка в странах СНГ и Прибалтики. Необходимо добиться, чтобы русский язык стал там абсолютно равноправным, причем это равноправие должно существовать на всех уровнях: от обучения в вузе до лечения у врача.

А. Чубарьян

**РУССКИЙ ЯЗЫК:
ПРЕОДОЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРАНИЦ**
Материалы Международной конференции
«Культура сохранения языка межнационального общения
в странах СНГ и Балтии»

Международная конференция, посвященная судьбам русского языка на постсоветском пространстве и перспективам его сохранения в роли средства межнационального общения, состоялась 27–28 апреля 2012 года в Балтийском федеральном университете им. И. Канта. Встреча экспертов из стран СНГ и Балтии прошла при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств – и собра-

ла в стенах самого западного университета России вузовских и школьных преподавателей русского языка, журналистов, политологов, общественных деятелей, представителей государственной власти.

Приветствуя участников и гостей конференции, специальный представитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству, сопредседатель Правления МФГС М. Е. Швыдкой особо подчеркнул важность того, чтобы «наши дети через несколько лет говорили не о культуре сохранения русского языка, а о культуре русскоязычного информационного пространства народов стран СНГ, Балтии и Грузии». Несмотря на то, что постсоветское пространство во многом изменило отношение к русскому языку, он остается «мощным фактором объединения людей, условием развития экономических, научных, образовательных и социокультурных процессов», – отметил в приветственном слове исполнительный директор фонда «Русский мир» В. А. Никонов. В попытке осмыслить сегодняшний статус русского языка в странах бывшего СССР, его роль в межнациональной интеграции и зависимость от конъюнктуры политических веяний гумани-

БФУ
им. И. Канта

тарии из России, Украины, Беларуси, Армении, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана, Латвии, Литвы, Эстонии размышляли о конкурентоспособности русского языка, динамике социокультурной идентичности русскоязычного населения стран СНГ и Балтии, роли преодоления «культурных различий» при обучении русскому языку, анализировали русскоязычное информационное пространство как проводник межнационального диалога.

Проблематику конференции комментирует научный руководитель Института балтийских исследований БФУ им. И. Канта, директор Института всеобщей истории РАН, академик, доктор исторических наук *Александр Чубарьян*:

Проблема русского языка в странах СНГ и Балтии является одной из самых жгучих и важных. Люди старшего поколения, наверное, не могли и представить, что такая проблема могла бы вообще возникнуть. Мы видим процессы, которые происходят на постсоветском пространстве, и в их центре все чаще оказывается вопрос русского языка. Его сохранение — важная национальная задача России.

Механизмы защиты есть, но достаточны ли они в нынешних условиях? Россия должна интенсифицировать процессы защиты по всем направлениям, руководству страны на государственном уровне очень важно предпринять шаги по защите и популяризации русского языка в странах СНГ и Прибалтики. Необходимо добиться, чтобы русский язык стал там абсолютно равноправным, причем это равноправие должно существовать на всех уровнях: от обучения в вузе до лечения у врача.

У бывших республик СССР, в том числе и у стран Балтии, одна из центральных проблем — вопросы национальной идентичности. Однако формировать эту идентичность за счет другого непродуктивно. Следует доказывать величие собственной культуры и собственного языка, а не искать виноватых среди других, занимаясь уничтожением культуры, языка других. Языковые запреты, как показывает мировой опыт, никогда ни к чему хорошему не приводят. Запрещать, ограничивать другой язык неприемлемо, надо просто популяризировать родной язык. Посмотрите на опыт Башкирии, где в школах преподавание ведется на семи языках — и никаких запретов. Даже если в республике имеется крохотная диаспора, то дети получают возможность учиться на родном языке. Вот это и есть подлинная толерантность. И именно такое терпимое отношение к языкам консолидирует население, не создает почву для взаимного неприятия.

Материалы докладов, выступлений, дискуссий на пленарном заседании, круглых столах и в кулуарах были суммированы в резолюции, принятой по итогам конференции:

«Участники международной конференции – представители вузов, национальных академий наук, телерадиокомпаний, СМИ, специалисты в области культуры, науки и образования Азербайджана, Армении, Беларуси, Латвии, Литвы, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Эстонии, – обсудив широкий круг вопросов, связанных с функционированием русского языка в странах СНГ и Балтии,

– считают своей первоочередной задачей формирование культурной политики сохранения русского языка как языка межнационального общения в странах СНГ и Балтии с учетом особенностей функционирования государственных языков этих стран;

– выступают за последовательную и системную поддержку акций «гуманитарной дипломатии», направленных на создание благоприятных условий для обеспечения конкурентоспособности русского языка и защиты его образовательного статуса и социальных функций в странах СНГ и Балтии;

– поддерживают создание на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия) одной из дискуссионных площадок для обсуждения текущего состояния и перспектив межкультурного диалога в странах СНГ и Балтии;

– считают необходимым усилить координацию деятельности образовательных, научных, общественных организаций, популяризирующих русский язык и русскую культуру в странах СНГ и Балтии;

– выступают за разработку отвечающих современному моменту стратегий межнационального сотрудничества в сфере образования, науки и культуры;

– согласны с актуальностью проблемы «культурных разночтений» при обучении русскому языку как языку межнационального общения в странах СНГ и Балтии и необходимостью преодоления культурного диссонанса;

– подчеркивают значимость русскоязычного информационного пространства как одного из форматов межнационального диалога в новейшей социокультурной ситуации «культурной глобализации»;

– указывают на необходимость усиления культурной поддержки русскоязычной прессы, русского театра в странах СНГ и Балтии;

– выступают за укрепление и обогащение профессиональных связей между русистами – преподавателями высшей и средней школ – стран СНГ и Балтии посредством совместных конференций и диалога в режиме он-лайн;

- подчеркивают важность «собирания», изучения и сохранения межнационального культурного наследия в странах СНГ и Балтии;
- считают важным и своевременным усиление научной составляющей в комплексе мер, направленных на анализ современного состояния русского языка и культуры в русских диаспорах СНГ и Балтии;
- выступают в поддержку издательских, мультимедийных и сетевых проектов, направленных на укрепление культурных связей между странами СНГ и Балтии;
- считают необходимым донести содержание принятой резолюции до широкой общественности стран СНГ и Балтии».

Основную часть настоящего выпуска журнала «Слово.ру: балтийский акцент» составили публикации по материалам апрельской конференции. Представляем вниманию читателей доклады, объединенные тематикой двух круглых столов: «Динамика русскоязычного пространства в странах СНГ и Балтии: культурная потребность или прагматический запрос?» и «Языковая образовательная политика в странах СНГ и Балтии: новые тренды».

Подготовка и составление *Татьяны Цвигун*

**ДИНАМИКА
РУССКОЯЗЫЧНОГО ПРОСТРАНСТВА
В СТРАНАХ СНГ И БАЛТИИ:
КУЛЬТУРНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ
ИЛИ ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ЗАПРОС?**

Цивилизационная уникальность пространства государств СНГ и Балтии... заключается в том, что оно есть место встречи, одновременно перекресток и граница для разнородных, тяготеющих к иным центрам культур.

С. Золян

В «новом ближнем» Русском мире произошли изменения, которые преобразили... языковую личность, оказавшуюся на перекрестке как минимум двух лингвокультурных миров.

Т. Млечко

Русские Прибалтики сопротивляются ассимиляционному давлению, борются за сохранение своей этнической самобытности.

А. Гапоненко

...мы должны сохранить роль русского языка как фактора, гарантирующего культурную общность наших народов.

А. Эшонкулов

Русский язык в Эстонии, как и во многих других странах, имеет свою систему прецедентных названий, свою систему топонимов и антропонимов.

С. Евстратова

...все больше чувствуется необходимость расширения функций русского языка в мировой интернет-системе...

И. Чарота

Развитие двуязычия в республике вызвало к жизни необходимость теоретического осмысления таджикско-русского билингвизма...

Р. Салимов

Люди тянутся к языку и культуре той страны, которая своими жизненными достижениями намечает пути, ведущие к пробуждению их «самости».

А. Бондарев

Авторские интенции представителей «нового казахстанского романа» направлены на установление взаимодействия, контакта, диалога различных литературно-культурных традиций.

Н. Сарсекеева

*Сурен Золян
(Ереван, Армения)*

РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО СНГ

Единое политическое и экономическое пространство может носить органичный характер, если только основывается на глубинных факторах. Как пронизательно отмечал в свое время академик Д.С. Лихачев, «культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией... Если у людей, населяющих какую-то географическую территорию, нет своего целостного культурного и исторического прошлого, традиционной культурной жизни, своих культурных святынь, то у них (или их правителей) неизбежно возникает искушение оправдать свою государственную целостность всякого рода тоталитарными концепциями, которые тем жестче и бесчеловечнее, чем меньше государственная целостность определяется культурными критериями» [2]. Безусловно, это верно и относительно межгосударственных и международных образований: без единого культурного субстрата эти образования могут поддерживаться исключительно военным или экономическим принуждением и при малейшем потрясении обречены на распад.

Согласно современным представлениям о социальных системах именно идеологические, коммуникационные и смысловые факторы определяют степень организованности системы, ее органичность и жизнеспособность. И эти факторы не надо ни изобретать, ни заимствовать. Они существуют. Пусть до сих пор не осознавалось как главная составляющая то, на что хотя и не особенно обращали внимание, но

что сохранилось без каких-либо стараний со стороны политиков, — уникальное культурно-цивилизационное пространство Российской империи и бывшего Союза. Применительно к нему сегодня преимущественно говорят о евразийском пространстве как интеграционном базисе СНГ. При всей важности евразийского фактора отметим, что это лишь одна и даже не главная составляющая. Эта тема стала наиболее популярной скорее ввиду ее экстравагантности — не случайно, что она формируется только в 20-х годах прошлого века (ср. признание Н.С. Трубецкого: «Новое направление, которое мы обозначаем термином "евразийство", может быть и не очень удачным, но бьющим в глаза, вызывающим, а потому — подходящим для агитационных целей. Направление это носится в воздухе» [1]). При всей важности евразийского фактора отметим, что это лишь одна из главных составляющих. Как несколько иронично заметил полемизировавший с теорией евразийства Д.С. Лихачев: «Русь естественнее было бы назвать Скандовизантией, нежели Евразией» [2, с. 7].

Вероятно, Евразию и Скандовизантию следует рассматривать в их взаимодействии: ведь даже если согласиться с далеко не бесспорными мыслями Д.С. Лихачева об отсутствии туранского и незначительности восточного компонента в русской культуре, нельзя не заметить и обратного воздействия: современная Средняя Азия, в особенности Киргизия и Казахстан, не представимы без русского языка и культуры.

Цивилизационная уникальность пространства государств СНГ и Балтии («Евразии-Скандовизантии»), особенно если учесть и примыкающие восточноевропейский и православно-восточнохристианские ареалы, заключается в том, что оно есть место встречи, одновременно перекресток и граница для разнородных, тяготеющих к иным центрам культур. Это культуры либо маргинальные для своего цивилизационного пространства, либо изначально сформировавшиеся как медиаторы между различными культурами. Так формируется ареал, не имеющий естественных границ, поэтому они открыты и изменчивы. В определенный момент это были политические границы Российской империи, а в настоящее время они скорее совпадают с ареалом распространения русского языка — хотя бы в качестве второго или иностранного¹. Географическое и лингвистическое разнообразие, приоб-

¹ Ср. высказанную Д.С. Лихачевым хоть и по иному поводу мысль о том, что вокруг России сформировалось некоторое обладающее единством в многообразии многоязычное и поликультурное пространство: «Теперь обратимся к России. Бессмысленно спорить о том, принадлежит ли Россия Европе или Азии. К сожалению, такой вопрос изредка поднимался в Германии, Польше и

ретаая культурно-цивилизационное измерение, становится тем смыслообразующим фактором, который есть необходимое условие взаимопроникновения разнородных культур. Уникальность этого пространства в том, что оно, не став плавильным котлом для этих культур, как в случае других цивилизационных пространств, обеспечивает их неслиянность и в то же время взаимопереводимость и взаимопроницаемость.

Помимо достаточно поздно возникшей евразийской общности в ее славяно-тюркской версии можно, опираясь лишь на данные сравнительно-исторического языкознания, говорить о древнейших языковых связях: балто-славянских, славяно-германских, славяно-финно-угорских, ирано-тюркских и т. д. В состав этого пространства входят такие уникальные регионы, как «путь из варяг в греки» или же Кавказ и часть Армянского нагорья, где на сравнительно небольшом пространстве взаимодействовали народы, говорившие на принадлежащих к индоевропейской, кавказской, различным малоазиатским и семитской семьям языках. Этим обеспечивалась коммуникация между Восточным Средиземноморьем, Центральной Азией, Балканами и Восточной Европой.

Будущее СНГ видится не столько как политический или экономический, сколько как цивилизационный союз. Раньше цивилизационная общность возникала как следствие политических факторов (экономика и в Российской империи, и в СССР была подчинена политике). После распада СССР по действующей инерции интеграционные процессы также определялись политическими. Вначале была попытка воспроизвести СССР, но без центра. Между тем функционирование всех действовавших в СССР структур, и не только политических, основывалось на наличии центра. Так, Союз писателей СССР был не просто союзом, объединением писателей, но прежде всего — идеологическим, аксиологическим, культурологическим и даже стилистическим

некоторых других ближайших к вам странах, в которых наблюдалась определенная склонность изобразить себя пограничными стражами Европы. Русская культура распространяется на огромную территорию, в нее включаются и Ленинград-Петербург, и Владивосток. Это культура единая. Семья, переезжающая из Ленинграда в Хабаровск или Иркутск, не попадает в иную культурную среду. Среда остается того же типа. Поэтому нет смысла искать географические границы Европы в Уральском хребте, Кавказских горах или где-нибудь еще. И Армения, и Грузия принадлежат европейскому типу культуры. Спрашивается: почему? Ответ в том, что я сказал вначале: они принадлежат к единому типу культуры. И это в силу своего христианства. Для христианина в принципе "несть еллина и иудея". Свобода личности, веротерпимость, пройдя через все испытания Средневековья, стали основными особенностями европеизма в культуре» [3, с. 3—4].

эталон, определяющим и отделяющим правильное от неправильного. Соответственно, коммуникация могла осуществляться только через центр, и кажущиеся исключения только подтверждали правила: например, контакты между соседними республиками были возможны лишь в той мере, в какой они дополняли отношения между центром и периферией. Очевидно, что централизация каналов коммуникации исходила из политической архитектуры СССР.

Аналогично, русский язык помимо чисто политических функций (государственный язык СССР) выступал как основной инструмент культурной институционализации. Перевод на русский язык воспринимался и как знак причастности к принятой системе ценностей (знак «всесоюзного признания»), и как возможность перевода на другие языки СССР. В то же время русский, будучи одним из международно признанных языков, обеспечивал и возможность коммуникации с внешним по отношению к СССР миром. В определенной мере он выступал как эталон, предел коммуникационного и смыслового совершенства языка, почему и весьма логичным было появление национальных писателей, пишущих непосредственно на русском (Искандер, Айтматов, Зулфикаров) — они, в сравнении с «москвичом» не по прописке, а по поэтике Окуджавой, оставались в рамках своей культуры, но, в отличие от Гранта Матевосяна, обходились без переводчиков.

В настоящее время изменилась не только политическая архитектура пространства бывшего СССР, но и способы социального взаимодействия — централизация уступает место сетевому принципу, а политико-экономический подход — культурно-цивилизационному. Полномасштабный диалог между языками и культурами позволит изменить ситуацию и в дальнейшем привести к новому политическому дизайну СНГ. Дело не в каких-либо предубеждениях против централизации: сегодняшняя степень сложности информационных процессов предполагает их многоканальность и, соответственно, множественность лингвистического инструментария. Будущее СНГ и стран Балтии видится нам как открытое информационное общество, причем новая институционализация будет организована по принципу сети. Увеличение меры разнообразия есть необходимое условие для повышения способностей системы к саморазвитию. Отказываясь от неосуществимой задачи восстановить прежнее, необходимо создать предпосылки для нового, осуществив цивилизационный поворот. Обеспечив многообразие коммуникационных каналов для диалога языков и культур, можно будет сохранить единое цивилизационное поле, организуемое теперь уже не пересечением, а объединением (в логическом смысле) разнородных культурных пространств. Общие ценности и идеология сотрудничества получают адекватное оформление, в том числе и в политических институтах.

Такая принципиально новая задача не может быть решена традиционными методами, поэтому необходимо создание соответствующих условий. Попытка рассмотрения лингвистических проблем в контексте диаспоры или же национальных меньшинств снижает общий потенциал и не способствует развитию многосторонних интеграционных связей. Необходимо обеспечение языков как коммуникационных каналов соответствующей работой, что может быть достигнуто благодаря механизмам образования, научных и культурных обменов. Соответственно, государство обязано обеспечить реализацию права на пользование этими каналами. Конечно же, это подразумевает диверсификацию образовательной лингвистической политики и увеличение роли неформального образования.

Действующее по сетевому принципу сообщество должно быть обеспечено множественностью каналов коммуникации. При всей важности русского языка наше культурно-цивилизационное пространство характеризуется прежде всего разнообразием культур и языков, поэтому языки всех народов СНГ должны быть представлены во всей полноте их социокультурных функций. В свете новых реалий необходимо пересмотреть обязательства государства в области языковой и культурной политики. В первую очередь, оно должно рассматривать язык и культуру не только как свое исключительное достояние, но и как вклад в общее культурно-цивилизационное наследие. Национальные языки и культуры обязаны не разделять, а объединять, но эта обязанность должна быть делегирована правительствам, а не только выполняющим и поныне эту миссию гражданам доброй воли. Помощь в изучении и распространении языка, истории и культуры своей страны за рубежом не должна ограничиваться рамками диаспоры, а создание у себя условий для изучения языка и культуры других не должно предназначаться исключительно для меньшинств. Насущной необходимостью является полноценное внедрение языков и культур народов СНГ в образовательные системы лингвистических университетов, а в ближайшем будущем – создание единого комплекса лингвистического образования стран СНГ.

Как и раньше, на пространстве СНГ русский язык играет особую роль. В советское время жестко централизованной структуре мог соответствовать один и только один коммуникационный канал. Восстановить в ослабленной форме прежнее положение призваны попытки придать русскому языку официальный статус языка межнационального общения. Не отрицая эффективность подобного решения в некоторых из стран СНГ, равно как и необходимость русского как рабочего языка межгосударственных органов СНГ, заметим, что реально функционирование языка определяется не указами президентов или

решениями парламентов, а выполняемыми им функциями. Поэтому требуется не имитация недействующих на сегодняшний день деклараций, а наделение русского языка реальными функциями. Например, доступность информационных ресурсов российских библиотек послужит куда большим стимулом для распространения русского языка, чем воззвания правительств. Статус русского в СНГ будет вытекать не из обязанности его знать (что было совершенно естественным в СССР для гражданина СССР), а из права изучать и использовать его, права, которое государство должно обеспечить образовательными, культурными, информационными программами, равно как и правовыми гарантиями.

Ситуация с русским языком в Армении особо показательна. В отличие от многих бывших республик СССР в Армении русская община никогда не была значительной в количественном отношении. Роль и место русского языка определялись и определяются не столько этническими, сколько политическими, социальными и культурными факторами. Согласно проведенной в 2001 году переписи, русским языком владеют 85 % населения Армении, его считают родным 13 % армян, что почти в 30 раз превышает численность русских и русскоязычных меньшинств (греки, часть ассирийской общины, евреи, белорусы). При этом очевидно, что интенсивному функционированию русского языка в его основных сферах — СМИ, научная и культурная деятельность — способствуют не только те 13 %, которые считают его родным, но и то большинство (85 %), которое владеет русским языком в достаточной мере хотя бы для осуществления пассивной коммуникации. Русский язык выступает в особом статусе, в котором и высвечивается та новая функция, которую он выполняет уже сегодня, но, возможно, как основную обретет в будущем, — это его роль как интегратора культурно-цивилизационного пространства. И дальнейшее развитие русского языка в Армении оказывается обусловлено внешними геополитическими, экономическими и культурно-цивилизационными факторами и находится в теснейшей зависимости от протекающих сегодня интеграционных процессов, их направления и роли, которую играет в них Россия и русская культура. Ситуация с русским языком в Армении показательна потому, что язык выступает именно как экономический, политический, но главное — социокультурный (цивилизационный) фактор.

Помимо этих гарантий статус русского языка на пространстве СНГ обеспечивается куда более глубинными факторами, чем политические или юридические. Как уже было отмечено, особенность культурно-цивилизационного пространства СНГ основывается на сохранении разнородности и притом переводимости, что возможно, если наличие

ствуует не только язык-посредник, но и смысловой инвариант, обеспечиваемый этим языком и имеющий в этом языке свой субстрат. Русский, по крайней мере в СНГ, не только средство коммуникации, но прежде всего носитель соответствующей культуры. Поэтому английский, который выступает только как средство коммуникации, принципиально не в состоянии заменить русский: там, где пропадает русский, он не замещается английским, там образуется вакуум. Русский не только обеспечивает коммуникацию, но и является носителем смыслов, если не общих, то понятных и взаимопереводимых на пространстве СНГ. Роль русского языка как интегратора культурно-цивилизационного пространства предполагает лингвистическое и культурное многообразие — вне этого контекста язык-транслятор оказывается не востребован. На этом пространстве он выступает не только как родной язык для проживающих за пределами России русских, но как второй и даже как иностранный. При всей важности функционирования русских школ и университетов основная нагрузка лежит на изучении русского языка в национальных школах и вузах. Порочной идее выдвинутых вглубь чужого пространства форпостов русского языка должна быть противопоставлена практика совместной работы по сохранению и развитию уникального культурно-цивилизационного пространства. А в учебниках русского языка и на русском языке должны быть представлены не только народы России, но и все те культуры, где русский язык функционирует как создатель и транслятор смыслов. Это одна из важнейших функций русского языка, благодаря которой становится возможным, используя удачное выражение Поля Рикера, его «языковое гостеприимство»¹.

Список литературы

1. *Аверинцев С.* Несколько мыслей о «евразийстве» Н.С. Трубецкого // *Новый мир.* 2003. № 2.
2. *Лихачев Д. С.* Культура как целостная среда // *Новый мир.* 1994. № 8.
3. *Лихачев Д. С.* О национальном характере русских // *Вопросы философии.* 1990. № 4.
4. *Лингвистические аспекты перевода : хрестоматия / сост. С.Т. Золян, К.Ш. Абрамян.* Ереван, 2007.

¹ Ср. замечание Поля Рикера: «...не накопив своего собственного опыта вхождения в иностранный язык разве могли бы увидеть свой родной язык глазами иностранца? И наконец, не будь этого накопленного нами опыта разве не угрожала бы нам горькая участь замкнуться в собственном монологе, оставшись наедине со своими книгами? Итак, честь и слава языковому гостеприимству!» (Цит. по: [4, с. 305]).

*Татьяна Млечко
(Кишинев, Молдова)*

РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ НОВОЙ ДИАСПОРЫ

В «новом ближнем» Русском мире произошли изменения, которые преобразили не только коммуникативное и социокультурное пространство, но и языковую личность (ЯЛ), оказавшуюся на перекрестке как минимум двух лингвокультурных миров, на вызовы и притяжения которых ей выпало органично и/или вынуждено реагировать. Это связано с требованиями социализации, которыми диктуются перемены вплоть до пересмотра идентичностей, в том числе идентичности языковой.

Статистика и количественные социолингвистические исследования располагают солидной базой данных, отражающих трансформацию социокультурных показателей русскоязычного населения стран СНГ. Их динамика очевидна и весьма показательна. В направлении редуцирования русскоязычия, хотя и в разной степени в каждом из государств экс-Союза, изменились языковая политика, языковое законодательство, требования, мотивы и условия языковой социализации, предопределившие количество и набор языков в обиходе государства и индивида, перечень и место языков в системе образования, языковые пропорции в культурно-информационном поле, языковая компетенция участников коммуникации, интенсивность языковых контактов с аутентичной русскоязычной средой.

Наше исследование базируется на материалах по Республике Молдова, где традиционно проживают представители различных этносов — украинцы, русские, болгары, гагаузы, евреи, цыгане и др. Их доля в составе населения за период между двумя последними переписями

1989 и 2004 годов уменьшилась с 35 до 20 %. Русский язык продолжает оставаться де-юре и де-факто языком межнационального общения, он в полной мере доступен – на всей вертикали образования, в СМИ, культуре – для разнонационального русскоязычного сообщества, однако заметно уходит из обихода молдаван, особенно румыноориентированной молодежи, из официальных и публичных сфер коммуникации в Молдавии [8]. Для поддержания русскоязычным населением своего традиционно высокого образовательного, культурного и социального статуса неизбежна языковая интеграция в доминирующий лингвокультурный контекст, что не требует отказа от своей русскости, но меняет ЯЛ.

В рамках таким образом изменившегося контекста нами через языковую личность рассматривается качественная сторона процесса трансформаций в ближнем зарубежье: состояние языка [6], актуальные проблемы самоидентификации русофонов нового поколения [13; 14], типовые характеристики русской языковой личности в лингвокультурном контексте страны проживания [11].

Несмотря на довольно интенсивное, начиная с 80-х годов XX века, изучение всевозможных типов ЯЛ, в центре нашего исследования находится новый объект – русская языковая личность (РЯЛ), только сформировавшаяся в пространстве новой диаспоры ближнего зарубежья и обретающая по истечении двух десятилетий свою все более отчетливую специфику.

Энциклопедический словарь-справочник «Культура русской речи» демонстрирует разнообразие дефиниций ЯЛ: «Языковая личность – носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов: 1) как индивидуум и автор этих текстов со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками; б) как типовой представитель данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива, совокупный или усредненный носитель данного языка; в) как представитель вида *homo sapiens* (человек разумный), неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и прежде всего естественного языка» [5, с. 104].

Нами термин используется во втором значении, то есть ЯЛ как некое типовое обобщение, абстрактный представитель языкового сообщества, что широко изучается с позиций лингвокультурологии, социолингвистики, коммуникативной лингвистики, лингвистики текста и др.

Поскольку ЯЛ есть в том числе продукт и отражение речевой практики социума, то важно упомянуть, что русская речевая практика в го-

сударствах ближнего зарубежья отмечена некоторой региональной спецификой и представляет собой новую ипостась феномена, который принято называть *русский язык зарубежья*. Анализ фактов, представленных в исследованиях и иных источниках информации, показал, что своеобразие речевой практики на русском языке в государствах СНГ и Балтии предопределено рядом однотипных причин с вытекающими из них следствиями, которые можно представить достаточно коротким перечнем:

– появление новых специфических реалий в самой действительности, в обиходе жителей каждой из стран и соответствующих им номинаций;

– различия в номинации того общего, что было привнесено новым временем (*органы власти и должности*), и подходах к перенаименованию старого (*топонимы, урбанонимы*);

– билингвизм, доминирование и значительно усилившееся влияние конкретной инонациональной лингвокультурной среды на русскую речевую практику (*русифицированные заимствования*);

– дистанцирование от России и ограниченность непосредственного общения с ее исконными представителями в силу опосредованных контактов, отсутствия мигрантов из России (*качественная редукция русскоязычной коммуникации*);

– и, что особенно важно, реакции и перемены самой РЯЛ (отношение, рецептивность/резистентность к лингвокультурной экспансии).

Прежде чем сконцентрировать внимание на последнем пункте этого перечня, необходимо сделать обобщающий вывод относительно квалификации констатируемого состояния языка в новом зарубежье. Это необходимо, поскольку известны попытки поспешно присвоить явлению статус *национального варианта русского языка*, что, на наш взгляд, необоснованно и необъективно, поскольку искажает реальное соотношение центробежных и центростремительных сил в ближнем зарубежье, определяющее единство русского языка как системы [1; 15]. Нами на протяжении постсоветского периода осуществляется мониторинг состояния русскоязычного пространства. Данные по Молдавии демонстрируют соответствующую региональную специфику узуса, но ни ее общий объем, ни индивидуальные репрезентации не являются частотными и не составляют сколько-нибудь значительной доли в дискурсе. Следовательно, логично говорить о региональной специфике узуса, но не о национальном варианте русского языка [7; 10].

Следует подчеркнуть, что объем изменений в речевой практике носителей языка в условиях зарубежья в целом больше по своим размерам, чем в среднем у отдельной ЯЛ, что говорит о разнице феноме-

нов. Изменения в состоянии языковой среды не автоматически влияют на ЯЛ, поэтому важно не экстраполировать их в целом на характеристики ЯЛ.

Однако в связи с ЯЛ мы можем говорить о специфике когнитивного пространства. Регионально маркированная совокупность «языковых особенностей» является приметой наличия в этом пространстве совокупности общих знаний и представлений у той части русского лингвокультурного сообщества, которая объединена проживанием в конкретном инациональном социуме, принадлежностью к диаспоре. Таким образом, структура знания русской языковой личности вне России характеризуется обязательным наличием дополнительного компонента в его составе: помимо индивидуальных, социальных (групповых), национальных и универсальных знаний и представлений присутствуют еще и определенные инациональные. Более всего здесь с определенной долей условности мог бы быть уместен термин *диаспоральное когнитивное пространство* (ДКП).

Основная характеристика такого ДКП как сегмента ИКП — это погруженность в иной лингвокультурный контекст, где на него воздействует сила притяжения иной когнитивной базы (КБ2), что также несколько ослабляет мощностность влияния исконной когнитивной базы (КБ1). Происходит компрессия («своего») и декомпрессия (за счет «чужого») тезауруса ЯЛ, что засвидетельствовано, с одной стороны, проявлением когнитивной лакунарности, которая является следствием дистанцированности от исконной КБ1, с другой — заимствованиями как результатом постоянного пребывания в зоне притяжения КБ2. Лингвистические замеры и количественные показатели по 100 респондентам-РЯЛ дают различные пределы трансформации ИКП. Приведем несколько примеров того, каким образом это специфицирует речь РЯЛ в Молдове.

1. Органичная ментальная связь с когнитивной базой социума проявляется в случаях, когда все сформулировано абсолютно по-русски, но содержание и коннотации понятны только местным: *Пушкинская горка; апрельские погромы; война на Днестре* и т. д. [9].

2. Притяжение когнитивной базы иного лингвокультурного мира выражается вербально через использование типичного набора номенклатурных и этнических заимствований, хотя и русифицированных по единым моделям системы русского языка: *в кушме и постолах; дать за поману; Храм села; примар муниципия* [6].

3. Использование несклоняемых онимов в молдавской произносительной версии: *Бэлиць, Раду, страда Хынчешть, Збиороая, Орхеюл Векь* и т. п.

4. Превалирование молдавских естественных знаний природоведческого и обиходно-бытового характера, которые не всегда черпаются из учебника. Так, для молдавских русских ясно, что такое *айва* или *каш*, но нет четкого представления, например, о таких типичных для России ягодах, как брусника, черника, клюква.

5. Наличие лакун в понимании базовых единиц системы русских прецедентных феноменов (*Сусанин, Васнецов, Золотое кольцо России* и т. п.) и редуцированное использование прецедентных текстов.

В отношении характеристик ЯЛ особенно важно отметить последнюю. Это связано с тем, что речь не о простом присвоении языка как кодовой системы знаков, состоящей из лексических единиц, вербально-грамматической сети и стереотипных сочетаний (паттернов), то есть не о нулевом уровне, который принимается как данность, а о формировании лингвокогнитивного (тезаурусного) уровня, с которого «собственно языковая личность начинается» [4, с. 53]

Нами выявлен и подробно представлен в других работах перечень характеристик ЯЛ, которые предопределены наличием инационального сегмента в структуре ее ИКП [12]. Его величина и степень «отрыва» ЯЛ от КБ1 и «сдвига» в сторону КБ2 различна. Координаты ее нахождения на оси КБ1 – КБ2 и ориентиры на перспективу не в последнюю очередь просматриваются через вербальную репрезентацию опрошенными своей русскости. Не детализируя, приведем идентификационные формулировки респондентов постсоветского поколения. Они относят себя к *русскому этносу, к русскоязычным в иноязычном окружении, к русскому лингвистическому меньшинству в государстве проживания, к молдавским русским, к алолингвам (инофонам), русолингвам (русософонам), к российской диаспоре, к российским соотечественникам, к русскому миру вообще (без привязки к стране).*

При очевидной неоднозначности формулировок самоопределения прочность связи с КБ1 очевидна и, по нашим выводам, тем выше, чем активнее, насыщеннее и полноценнее изначальное приобщение ЯЛ к исконной КБ в период ее становления, формирования тезауруса. Это одна из базовых установок для качественного репродуцирования новой русской диаспоры, чтобы ныне ясельное «поколение не превратилось в массу без определенных свойств, в кочевую цивилизацию, которую будет использовать любой глупец, обещая нигилистам новую идентичность» [2, с. 6].

Итак, носитель русского языка в новом зарубежье – феномен, практически не изученный специально. Через языковые биографии [13; 14] и речевые репрезентации представителей новой русской диаспоры в Молдове нами выявляются характерные черты этого нового

типа языковой личности, сложившегося в изменившемся геополитическом и социокультурном контексте и являющегося источником информации о нем.

Список литературы

1. *Георусистика*. Первое приближение : сб. науч. ст. / под ред. А.Н. Рудякова. Симферополь, 2010.
2. *Барр Д. Г.* Дом разбитых зеркал. Минск, 2011.
3. *Иконникова С. Н.* Биография как социокультурное измерение истории // Культурологический журнал. 2011. № 4 (6). URL: http://www.journal.ru/rus/journals/100.html&tj_id=8 (дата обращения: 10.05.2012).
4. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2010.
5. *Культура* русской речи : энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.
6. *Млечко Т. П.* Русский язык как социокультурная переменная // Филология. Русский язык. Образование : сб. ст. СПб., 2006.
7. *Млечко Т. П.* Моноцентричен ли русский язык в разнонациональных ареалах? // Мнемозинон: Язык и культура в мире русофонии. М., 2009.
8. *Млечко Т. П.* Пространство русского языка в Молдове (20 лет Закону о функционировании языков на территории Республики Молдова) // Сб. докладов Международной конференции «Русский язык в коммуникативном пространстве Содружества Независимых Государств». М., 2010.
9. *Млечко Т. П.* Пушкинская горка на русском поле (Русская языковая личность в пространстве современной диаспоры) // Президиум МАПРЯЛ 2007–2010. СПб., 2011.
10. *Млечко Т. П.* Русский язык вне России: академическая норма и региональная специфика // Материалы XII Конгресса МАПРЯЛ «Русский язык и литература во времени и пространстве». Шанхай, 2011. Т. 1.
11. *Млечко Т. П.* Русская языковая личность в новой диаспоре // Там же.
12. *Млечко Т. П.* Индивидуальное когнитивное пространство русской языковой личности в новом зарубежье // Русский язык за рубежом. 2012. № 1.
13. *Mletschko T.* Die Sprachgetzgebung im Zeitraum 1989–2005. Ein Uberblick // Sprachliche Individuation in mehrsprachigen Fteciionen Osteuropas. Leipzig, 2007.
14. *Mletschko T.* Die Sprachgetzgebung im Zeitraum 1989–2005. Ein Uberblick // Eine andere Sprache ist eine neue soziale Perspektive / Sprachliche Identitat der russischsprachigen Bevolkerung. Sprachliche Individuation in mehrsprachigen Fteciionen Osteuropas. Leipzig, 2007.
15. *Slavica* Helsingiensia 40. Instrumentarium of Linguistics Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Helsinki, 2010. URL: <http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh40/pdf/index.htm> (дата обращения: 06.05.2012).

*Александр Гапоненко
(Рига, Латвия)*

ЛАТВИЙСКИЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ РЕФЕРЕНДУМА ЗА РУССКИЙ ЯЗЫК

После распада СССР во вновь возникших республиках Прибалтики к власти пришли представители титульной бюрократии. Новая элита установила этнократические режимы правления, которые обеспечивали ей безбедное и монопольно устойчивое положение на вершине социальной лестницы. В качестве государственных были приняты концепции строительства «латышской Латвии», «эстонской Эстонии» и «литовской Литвы». Строительство моноэтнических наций в полиэтнических по своему составу об-

ществах реализовывалось посредством, во-первых, выдавливания части инородцев за границу и, во-вторых, ассимиляции оставшихся. Для облегчения решения этих важных государственных задач в Латвии и Эстонии большую часть инородцев лишили основных политических и социально-экономических прав — превратили в так называемых неграждан.

В роли инородцев во всех трех прибалтийских республиках изначально оказались русские и представители ряда других этносов, живущих на русской ценностной основе. Этнократические элиты пошли на ликвидацию или резкое ослабление тех социальных институтов, которые обеспечивали воспроизводство русской идентичности. Было ликвидировано высшее и резко ограничено среднее образование на русском языке. Практически прекратилось финансирование русских профессиональных учреждений культуры. Исчезло местное государственное теле- и радиовещание на русском языке. Некоторое время существовали языковые ограничения на деятельность частных рус-

скоязычных средств массовой информации. В Литве и Эстонии прекратилось издание ежедневных русских газет. Традиционные русские праздники были вычеркнуты из списка официальных выходных и отмечаемых дней. Русофобской редакции подверглись местные топографические названия. Русские потеряли право на оригинальное написание своих имен и фамилий. Русский язык повсеместно был объявлен иностранным и исключен из сферы официального общения, хотя им свободно владело все титульное население Прибалтики. На русском было запрещено обращаться в центральные и местные органы власти, проводить публичные мероприятия, вести переписку между юридическими лицами. В Латвии и Эстонии были созданы специальные комиссии, которые инспектировали предприятия и проверяли у работников знание государственного (соответственно латышского и эстонского) языка. Инспектируемым требовалось показать знание государственного языка на уровне выпускника филологического факультета. Те работники, которые не владели им в соответствующей мере, штрафовались или даже понуждались к увольнению. Язык, таким образом, был превращен из средства коммуникации в действенный инструмент дискриминации инородцев.

Основная масса титульного населения не имела каких-либо явных выгод от существующей в стране этнократической системы в целом и придания их языку статуса государственного в частности. Однако титульная бюрократия держала массы своих соотечественников в повиновении за счет постоянного возбуждения у них чувства национального превосходства над инородцами, а также обвинения русских в мнимых преступлениях советского прошлого. Русский язык и культуру правящие элиты выставляли как одну из основных угроз существованию латышского, литовского и эстонского языков.

Русские Прибалтики сопротивляются ассимиляционному давлению, борются за сохранение своей этнической самобытности. Возможность сделать это через делегирование полномочий депутатам в местных и центральных органах власти крайне невелика, поскольку в Литве русских проживает мало, а в Эстонии и Латвии очень значительная их часть не имеет прав гражданства. К тому же власти предпринимают немалые усилия для подкупа и шантажа избранных от русского населения депутатов. Поэтому чаще всего свои права русские вынуждены защищать непарламентскими методами. Так, в мае 2008 года русские Эстонии массово протестовали против надругательств над символом их национального достоинства — памятником Солдату-освободителю в Таллине. В 2003—2004 году Латвию сотрясали многотысячные митинги и демонстрации молодежи, выступавшей против при-

нудительной латышизации русской средней школы. Весной 2012 года такого же рода протесты начались в Литве и Эстонии. Уникальный по своей значимости опыт борьбы против этнической дискриминации приобрели русские Латвии в 2011 – 2012 году в ходе подготовки и проведения референдума за предоставление русскому языку статуса второго государственного.

Последовательно реализуя стратегию ассимиляции инородного населения, латышские национал-радикалы из партии «Всё Латвии» в начале 2011 года запустили референдум за полный запрет преподавания в государственных школах на русском языке. В ответ на эту инициативу русскими активистами была создана общественная организация «Родной язык», которая стала собирать подписи за проведение референдума о придании русскому языку в Латвии статуса второго государственного. В соответствии с действующей конституцией ими было собрано сначала 10 тысяч нотариально заверенных подписей. Это позволило перейти к всенародному опросу, в ходе которого были собраны подписи уже более 10 % избирателей. На основе положительных результатов этого опроса на 18 февраля 2012 года был назначен референдум.

Организаторам референдума изначально было ясно, что победить в нем не представляется возможным. Ведь русские составляют менее 40 % населения республики, да к тому же две пятых из них не имеют прав гражданства. Поэтому был выдвинут лозунг «Русские должны высказаться на референдуме в защиту своего национального достоинства. Русский язык только символ этого достоинства». Все члены русской общины республики приняли этот лозунг и участвовали в референдуме.

По итогам референдума 25 % его участников высказалось за придание русскому языку статуса второго государственного. К этому числу надо добавить 15 % населения, которые не имели возможности поддержать свой родной язык, поскольку лишены прав гражданства. В итоге получилось, что за повышение юридического статуса русского языка прямо или косвенно выступило 40 % населения — ровно столько продекларировало русский язык в качестве родного по последней переписи населения республики. В ходе крайне агрессивной, русофобской по своему содержанию пропагандистской кампании правящей элите удалось мобилизовать все латышское население и убедить его проголосовать на референдуме против русского языка. В результате вышло, что формально внести изменения в латвийскую конституцию и придать русскому языку статус второго государственного не удалось.

Тем не менее цель, которую ставили инициаторы референдума, была достигнута. Все русское население однозначно зафиксировало недовольство действующей системой этнической дискриминации и выразило желание повысить юридический статус своего родного языка. Для демократически устроенного общества результаты референдума стали бы достаточным основанием для внесения правящим большинством изменений в законодательство страны. Именно так поступили правящие английские элиты, когда предоставили статус государственного языка ирландскому меньшинству в Ирландии (30 % населения) и французскому в Канаде (23 % населения). В Швейцарии государственным языком наряду с немецким (65 % населения) является французский (18 % населения), итальянский (10 % населения) и ретороманский (1 % населения). В Бельгии государственным языком наряду с нидерландским (58 % населения) является французский (31 % населения). В Финляндии, в которой живет 91 % финнов, на собственный государственный язык имеют право 5 % шведов. В Испании государственными языками помимо испанского являются каталанский, андалузский (по 16 % населения), галисийский (7 % населения) и баскский (6 % населения).

В качестве компромисса правящая латышская элита могла бы выступить с предложением придать русскому статус не государственного, а регионального языка в местах компактного проживания русского населения — например в Латгальском регионе, где за русский в ходе референдума проголосовало 55 % населения. В этом случае вполне подходила бы модель урегулирования этнического конфликта, которая была применена в 2001 году в Македонии. По заключенным в этой стране между македонским большинством и албанским меньшинством Охридским соглашениям албанцы получили право на свой язык и на свободное развитие своей культуры в тех регионах, где их численность превышает 20 % населения.

Однако Латвия является не демократической, а этнократической страной и поэтому мнение русского меньшинства в ней не приняли во внимание. Более того, латышская правящая элита сразу же после референдума начала кампанию дискредитации активистов общества «Родной язык», предприняла шаги по усилению этнического давления на русское население, начала сворачивать действующие в стране демократические механизмы и процедуры. Складывается впечатление, что власти выбрали путь установления националистической диктатуры, поскольку только она обеспечивает сохранение в будущем этнократического строя.

С окончанием референдума борьба русских за свои права в Латвии, равно как и в других прибалтийских республиках, не закончилась, а только вступила в новую фазу. И для выработки стратегии и тактики ведения этой борьбы важно осмыслить полученный в ходе подготовки и проведения референдума за русский язык опыт. Этот опыт вкратце сводится к следующему.

1. Русские общины Прибалтики в целях защиты своей этнической идентичности и родного языка способны консолидироваться и проводить такие массовые и организационно сложные мероприятия, как референдумы. В Латвии этот опыт был изначально удачным в силу наличия в ней сильных русскоязычных СМИ. В Литве и Эстонии масс-медиа такого рода еще предстоит создать, точнее, восстановить.

2. Консолидацию русских общин и эффективное управление их деятельностью обеспечивают только те элиты, которые обладают современными знаниями и навыками управления социальными процессами, а также находятся вне поля действия этнократических систем. Старые русские элиты оказались псевдоэлитами и внести какой-либо практический вклад в консолидацию общины в ходе проведения референдума не смогли.

3. Русские общины способны бороться с этнической дискриминацией самостоятельно, опираясь только на тот инструментарий, который существует в правовых системах прибалтийских стран.

4. Проведение таких массовых мероприятий, как референдумы, ведет к дестабилизации этнократических систем, поскольку обостряет идейный конфликт между национал-радикальными и национал-либеральными правящими группировками. Этот конфликт ведет к активизации национал-либералов, которые потенциально способны пойти на компромисс с новыми русскими элитами.

5. Россия не готова оказывать поддержку своим соотечественникам за рубежом из-за отсутствия адекватного политического механизма взаимодействия с ними, а также достаточно компетентных политиков среднего звена.

6. Европейский союз демонстративно игнорирует законные права русского населения Прибалтики, поскольку их соблюдение потенциально может усилить влияние России в регионе.

7. В условиях приближения второй волны мирового экономического кризиса правящие прибалтийские элиты будут испытывать все большие проблемы с сохранением этнократического строя и дискриминацией русских. Европа и США по этой же причине не смогут оказывать им существенную помощь, как делали это ранее.

Амонжан Эшонкулов
(Исполнительный комитет СНГ)

РУССКИЙ ЯЗЫК — УНИКАЛЬНОЕ СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

В Содружестве Независимых Государств в соответствии с его Уставом рабочим языком является русский язык. Сегодня он играет важную роль во всех сферах жизни в странах СНГ и остается естественным базисом для сохранения общего культурного информационного пространства, важнейшим средством межнационального и международного общения.

Думаю, не согрешу против истины, если скажу, что невозможно представить любую встречу с представителями постсоветских стран на каком-либо ином

языке, кроме русского. В данном случае полноценное общение вряд ли получится. Без преувеличения можно утверждать, что все международные форумы, будь то политические, экономические, военные или гуманитарные, с участием стран — бывших союзных республик — проходят на русском языке. Ведь для многих людей он до сих пор является вторым после родного языком общения.

Следует отметить, что знание русского языка всегда имело и будет иметь особое значение для научных работников, специалистов, интеллектуальных кругов стран СНГ. Не секрет, что все новое, что появляется в ближнем и дальнем зарубежье в научных публикациях, технической литературе на разных языках, может стать доступным в первую очередь только благодаря русскому языку. Существует еще и проблема отсутствия специальных терминов во многих национальных

языках. Поэтому знание современного международного языка, в том числе и русского, — залог социально-экономического и культурного развития наших стран.

К сожалению, независимо от того, что для многих граждан Советского Союза русский язык был таким же родным, как и язык своего народа, все же после распада Союза он постепенно начал утрачивать свою роль как язык межнационального общения.

Начиная с конца прошлого века произошел отток значительной части русскоязычного населения из закавказских и центрально-азиатских республик на свою историческую родину — в Россию. Вместе с тем существовавшая ранее потребность в русском языке в этих странах постепенно начала снижаться, и этот процесс привел к сокращению количества средних общеобразовательных школ, колледжей и вузов с русским языком обучения. Резко уменьшилось и число самих обучающихся на этом языке, существенно сократились не только тиражи газет и журналов, но и само количество русскоязычных СМИ, был сведен к минимуму перечень книг, издаваемых на русском языке.

Такому положению дел способствовало и отсутствие в законодательных актах большинства государств Содружества статуса русского языка как государственного или официального языка, в отношении его применения и развития не была также установлена система правовых гарантий. Даже те страны, которые в 90-е годы прошлого века по законодательной инерции советского периода присваивали русскому статус «языка межнационального общения», в настоящее время уже либо исключили соответствующие положения из нормативно-правовых актов, либо реализуют программы, направленные на защиту собственного государственного языка, как правило, в ущерб русскому.

В то же время стал заметно возрастать интерес населения к английскому языку, которому якобы суждено заменить русский во всех сферах и стать языком межнационального общения. В ряде регионов само понятие «иностраный» стало как бы синонимом слова «английский», а популярные и некогда востребованные языки либо были отвергнуты руководящими директивами, либо просто перестали вызывать интерес учащейся молодежи.

Однако в связи с экономическим и политическим подъемом России, восстановлением ее авторитета на международной арене наметилась тенденция к усилению влияния русского языка в странах СНГ. Этому также способствует сотрудничество Российской Федерации со странами СНГ во многих отраслях экономики, культуры, здравоохранения и образования.

В частности, с появлением спутникового телевидения на территории стран СНГ большая часть их населения смотрит ведущие программы именно российского телевидения.

Следует отметить, что стремление к изучению русского языка в ряде стран Центральной Азии было вызвано экономической ориентацией на Россию. При этом основным фактором и главной мотивацией для изучения русского языка становится необходимость выезда в Россию на работу или в связи с ведением бизнеса.

Что касается государств — участников Содружества, то, на наш взгляд, мы должны сохранить роль русского языка как уникального средства межнационального общения и как фактора, гарантирующего культурную общность наших народов.

Особое значение необходимо уделять проектам, нацеленным на укрепление позиций русского языка в странах Содружества. Этому может поспособствовать и активное продвижение в СНГ российских образовательных услуг.

Думаю, что ни в коей мере нельзя приравнивать русский язык к языкам иностранным, так как, нет сомнения, он еще долгое время не будет считаться для жителей стран Содружества чужим и инородным, ибо большая часть населения СНГ владеет им и использует его по мере все возрастающей необходимости.

Таким образом, русский язык востребован, он, как и прежде, играет и будет играть значимую роль в межнациональном общении, в деловой сфере, в средствах массовой информации.

Светлана Евстратова
(Тарту, Эстония)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ЭСТОНИИ

Сферы использования русского языка в Эстонии достаточно разнообразны: официально-деловая, бытовая, средства массовой информации и Интернет, образование, культура, наука. Кратко охарактеризовав каждую из перечисленных сфер функционирования русского языка, мы более подробно остановимся на средствах массовой информации.

Основное внимание в области школьного образования направлено на интеграцию русскоязычных детей в эстонское общество и качественное изучение государственного языка, в то время как изучение родного языка и культуры отходит на второй план. В последнее время все больше русских школ закрываются либо переходят от традиционной модели обучения к методу языкового погружения, в результате чего увеличивается количество русскоязычных детей, получающих образование на неродном языке. Многие используют возможность учиться в эстонской школе, добровольно и осознанно делая этот выбор. Сложившаяся ситуация приводит к снижению уровня владения родным языком, а зачастую и к неспособности к этнокультурной идентичности.

Русский язык в эстонских школах изучается как иностранный группы «А» (с 4-го класса) или группы «Б» (с 6-го класса), причем, согласно Государственной программе обучения, школа сама имеет право выбирать иностранные языки, а следовательно, русский язык может не изучаться вовсе. Количество эстонских школ в целом по республике

сократилось с 600 в 1995/96 учебном году до 465 в 2009/10 учебном году, а число русских школ в эти же годы уменьшилось со 116 до 61. В вузах Эстонии русский язык изучается как иностранный, лишь на отделениях славистики в Тарту, Таллине и Нарве обучение ведется на русском языке. Рабочим языком научных конференций чаще всего является английский.

В сфере культуры русский язык представлен достаточно хорошо: в Таллине работает Русский драматический театр, издаются два литературно-художественных журнала — «Вышгород» и «Таллинн», проводятся праздник песни «Славянский венок», международный фестиваль древлеправославной культуры «Пейпус» (*Peipus* в переводе с эстонского языка — *Чудское озеро*), ежегодный Русский бал в Тарту. В Эстонию часто приезжают деятели культуры и искусства из России, здесь можно увидеть прекрасные спектакли известных российских театров, так что культура — один из основных мостиков, соединяющих нас с исторической родиной.

В официально-деловой сфере русский язык функционирует в основном в виде переводных текстов, достаточно широко он представлен в сфере услуг населению: в банках, на энергопредприятиях, в телекоммуникационных, транспортных и строительных фирмах; сайты, бланки и буклеты часто издаются на двух языках, на двух языках иногда представлена и реклама. В Интернете можно найти русскоязычные версии таких сайтов, как <http://www.president.ee/ru>, <http://www.eesti.ee/rus/> (государственный портал); двуязычные сайты имеют Налогово-таможенный департамент, Департамент полиции и погранохраны, Касса страхования от безработицы, Департамент государственного медицинского страхования (Больничная касса, Департамент здоровья), государственный суд, некоторые уезды, города, партии, организации. Русскую версию имеют новостной портал Delfi, сайты большинства издающихся в Эстонии газет и журналов. В являющейся предметом нашего внимания сфере средств массовой информации на русском языке издаются такие газеты, как ежедневная «Postimees на русском языке» (переводной вариант эстонской газеты *Postimees*), еженедельники «День за днем», двуязычные «Деловые ведомости», «МК Эстония», «Здоровье для всех», «Референт» (двуязычная), городские и региональные газеты: например, в Таллине в разных районах города выходит пять газет на русском языке.

Что можно сказать о языке этих изданий? По наблюдениям исследователей, в публицистике 70–80-х годов прошлого столетия, когда язык газеты не был так раскован, экспрессивность достигалась чаще всего переносным использованием слова [4]. Анализ нашего материала [1] показывает, что экспрессивность выражается прежде всего за

счет активизации разговорного фонда лексики и нестандартного сочетания слов из разных стилистических регистров. Русскоязычные средства массовой информации Эстонии тоже «испытали нашествие радикальной иронии и общего "прикольного" духа времени, пришедшего на пространстве, именуемом постсоветским, на смену духу торжественной серьезности» [3]. Общую тональность большинства рассмотренных нами текстов можно определить как иронически-скептическую, полную неприятия описываемых событий, но оставляющую надежду на возможность положительных перемен. Для языка русскоязычных СМИ Эстонии характерны также заимствования как из эстонского, так и из английского языков, обозначение названий фирм и учреждений в соответствии с формой оригинала, то есть латиницей. Такое употребление можно признать оправданным, так как помогает избежать неверной идентификации, это своего рода узаконенная разновидность смешения и переключения кодов [2]. Все эти языковые особенности характерны и для современной российской прессы, еще более экспрессивной, с той разницей, что в ней не используются заимствования из эстонского языка. Средством выражения оценки и создания образности в русскоязычной прессе Эстонии является также культурно значимая информация, что особенно заметно в названиях газетных публикаций: 1) *Прощай, Койдула!* (День за днем. 2010. 24 – 30 сент.); 2) *Рейн Ланг в поход собрался* (День за днем. 2011. 16 – 22 сент.); 3) *Ну когда же душка Лаар надиктует мемуар?* (День за днем. 2011. 30 сент. – 6 окт.).

Приведенные примеры из популярного в Эстонии еженедельника «День за днем» представляют собой трансформированные или переосмысленные фразеологические единицы и прецедентные тексты, налицо стремление авторов статей включить читателя в «свое» национально-культурное пространство. У используемых в приведенных примерах топонимов, фамилий существует свой национально-культурный фон, эти вкрапления понятны лишь «своему», эстонскому читателю: эстонская поэтесса Лидия Койдула известна и как автор слов гимна Эстонии, но чтобы понять данный пример, нужно знать о том, что ее портрет был помещен на стокроновой денежной купюре. Чтобы выявить подтекст примеров 2 и 3, нужно знать, кто такие Р. Ланг и М. Лаар: первый известен как весьма далекий от культуры министр культуры, второй – министр обороны, историк по образованию, разрабатывающий планы защиты от внешнего врага. Использование прецедентных текстов и фразеологизмов – одно из проявлений языковой игры, которая и в российской, и в эстонской прессе имеет сейчас массовый характер. Перечисленные речевые особенности газетных публикаций свойственны и русской речи в телеэфире Эстонии.

Эстонский телеэфир представлен множеством каналов: спутниковые (Discovery, Travel, History), российско-американо-израильский RTVI, русские, белорусские, украинский. Вещающий на прибалтийском пространстве ПБК передает российские программы, но на этом же канале можно увидеть и услышать прибалтийские передачи. Есть ряд местных каналов на эстонском языке, транслирующих и русскоязычные программы. Для одних участников этих передач русский язык является родным, для других – иностранным. На американском и европейских каналах мы слышим «переводной» русский, а оригинальный русский язык звучит на российских, украинских и белорусских каналах.

Такое обилие и разнообразие телевизионных передач, смесь различных вариантов русского языка хорошо демонстрируют нашу языковую ситуацию и дают возможность познакомиться с самыми разными речевыми практиками. Телеэфир Эстонии, как и пресса, во многом отражает мультикультурность русскоязычной аудитории стран Балтии, наличие в этой аудитории различных, сложным образом переплетающихся влияний.

Следует отметить, что на американских и европейских телеканалах, вещающих на переводном русском языке, звучит очень корректная русская речь. Естественно, что этот переводной русский язык имеет свою систему топонимов, антропонимов, официальных наименований (*федеральный округ, префектура*), а переводной текст во многом зависит от переводчика. Оригинальный русский язык звучит на российских каналах. Для многих российских журналистов, ведущих, участников телепередач характерны экспрессивность и метафоричность высказываний, персонификация топонимов, использование прецедентных текстов, языковая игра, стремление противостоять стереотипам. В эстонских СМИ, в частности в телепередачах, игровое начало, лингвокреативность выражены не столь ярко, тональность программ в целом более нейтральна, хотя и им свойствен ряд сходных с российскими телепередачами черт. Речевой фон эстонских программ на русском языке более нейтрален в сравнении с передачами, создаваемыми в России, но все же во многом ориентирован на российские СМИ (разумеется, многое зависит от тематики, ведущих, особенностей речевого этикета). Использование русского языка в качестве неродного также отражает нашу языковую ситуацию, как и наличие субтитров на эстонском языке к ряду русскоязычных передач. Отметим еще раз, что участники программ говорят на русском языке, но каждая фраза сопровождается субтитрами на эстонском – или наоборот, когда проводится блиц-интервью. Для многих местных телепередач (как, впрочем,

и российских) прежде всего характерно широкое использование разговорной лексики, причем запрет с просторечий снят не только в ироничном контексте: 1) *Пользователь спокойно лезет в Интернет и не парится* (Суд присяжных. 2009. 20 июля); 2) *Месяц назад мне моча в голову ударила, и я устроилась работать уборщицей* (Суд присяжных. 2009. 3 авг.).

Русская речь в телеэфире Эстонии отражает иноязычное влияние, неизбежное в нашей ситуации. Русский язык в Эстонии, как и во многих других странах, имеет свою систему прецедентных названий, топонимов и антропонимов. Следует отметить, что в записанных нами телепередачах эстонских заимствований было относительно мало, что особенно бросалось в глаза на фоне множества англо-американских вкраплений, правда, зачастую связанных с проблемами пользования компьютером, но не только: *Найти анонимного прокси* — дело двух минут (Суд присяжных. 2009. 20 июля).

На фоне заимствованной лексики выделяются слова и словосочетания, «местное» значение которых понятно только жителям Эстонии, поскольку они отражают эстонские реалии: *родительская зарплата, мамина зарплата, Бронзовый солдат, квалитет, Рийгикогу, кома* (при озвучивании цифровых данных) и др.

Таким образом, многие особенности в использовании русского языка в СМИ Эстонии характерны и для современной российской прессы: это активизация разговорного фонда лексики, языковая игра, иноязычное влияние: большое количество англицизмов (в местных СМИ — и эстонизмов), употребление латиницы. Однако в Эстонии мы наблюдаем стремление авторов статей и ведущих телепередач включить читателя в «свое» национально-культурное пространство. Использование русского языка в качестве неродного также отражает нашу языковую ситуацию.

Список литературы

1. Евстратова С.Б. Экспрессивная лексика в русскоязычной прессе Эстонии // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. Вып. 6 : Проблемы языка диаспоры. Тарту, 2002.
2. Кюльмоя И.П. Речь русской диаспоры Эстонии: тенденции развития // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика-ХII. Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 2009.
3. Лассан Э.Р. О прагматиконе русской политизированной личности в Литве // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. Вып. 3 : Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Тарту, 2000.
4. Солганик Г.Я. Лексика газеты (функциональный аспект). М., 1981.

Иван Чарота
(Минск, Беларусь)

О РЕАЛЬНО ЗНАЧИМОМ И ОПТИМАЛЬНОМ СТАТУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ВНЕ РОССИИ (На основе опыта Беларуси)

*Т*ак или иначе, никто из нас не смеет игнорировать право народов бывшего Советского Союза и «социалистического лагеря» на самоопределение. Соответственно, мы должны со всей доброжелательностью наблюдать, как такое право они реализуют в новых геополитических условиях. Но при этом все же невозможно оставаться безразличными к тому, насколько осуществляющееся переустройство мира способствует утверждению мультикультурности в истинном и полном смысле, то есть обеспечению

реального равенства для всех языков и культур названных народов. А очень многое из «данного нам в ощущениях» за последнее время вызывает, мягко говоря, неоднозначные реакции — в любом случае, вынуждает серьезно задуматься.

Если же быть объективно критичными, то нельзя не признать, что глобализационные процессы для культур бывших народов СССР уже чреваты периферизацией, а в перспективе легко могут привести к маргинализации.

Конечно, сейчас далеко не все одинаково оценивают процессы «культурного строительства» при социализме. Тем не менее стоит все-таки вспомнить о том бесспорно положительном, что у нас имелось. И ваш слуга покорный берется это оценивать на основании личного опыта как член Союза писателей СССР, а впоследствии — Союзов писателей

Беларуси, России и Сербии, около четырех десятков лет непосредственно участвующий в конкретных делах по укреплению взаимосвязей литератур и культур. Во-первых, как бы то ни было, тогда все-таки на самом деле сложилась общность «советская многонациональная литература», стимулировавшая развитие составляющих ее литератур национальных (более семидесяти); во-вторых, практически все эти литературы были действительно включены в еще более масштабный контекст «литератур социалистического содружества»; в-третьих, лучшие образцы словесности больших и меньших (численно) народов СССР благодаря русской литературе-«кормилице» получили возможность утвердиться и в мировом контексте. Причем все это осуществлялось, как известно, *с помощью переводов именно на русский язык*, которые не просто выполняли посредническую роль, а предопределяли степень распространения и признания литератур советских республик. Хотим мы или не хотим, но нельзя не учитывать, что на русском языке произведения представителей советской многонациональной литературы тогда регулярно публиковались в специально для этого созданном журнале «Дружба народов», а также в ряде центральных издательств — немислимыми для нынешнего времени тиражами и во вполне презентативном оформлении, а распространялись благодаря активно действующим как в границах СССР, так и за его пределами сетям книоторга и межбиблиотечного обмена. Помимо прочего, кстати, в то время ни у авторов, ни у переводчиков не было серьезных оснований обижаться и на размеры гонораров.

А что имеется после того, как упомянутая система действовать перестала? Избегая отвлеченных обобщений, обратимся опять же к опыту Беларуси. Так вот: для белорусской литературы это сразу же повлекло за собой весьма заметное ограничение выхода на «международную арену», поскольку — еще раз подчеркнем и конкретизируем это — в советскую эпоху произведения писателей-белорусов за рубежом переводились, как правило, *с русскоязычных «межоригиналов»* (переводы непосредственно с белорусского языка составляли не более 5%). И когда вдруг эти самые «межоригиналы» перестали появляться, то цепь, связующая с «дальним зарубежьем», исчезла. Переводчиков же непосредственно с «первооригиналов» и соответствующего профиля пропагандистов-белорусистов за рубежом и прежде было мало, и за послеперестроечный период больше не стало. Да и в обозримом будущем положение вряд ли изменится по причине отсутствия существенных стимулов — престижа специализации собственно белоруси-

стов (по сравнению хотя бы с русистами), гарантий стабильной занятости, финансовой поддержки этого рода занятий со стороны государства как представляемого (то есть белорусского), так и своего (американского, британского, германского и др.).

Для уточнения приведем данные, не нуждающиеся в комментариях. На протяжении 1970–1980-х годов в России (прежде всего в Москве) ежегодно издавалось около 40–50 книг белорусских авторов, а за 1990-е – всего 4, к тому же весьма скудными тиражами. Одновременно за последнее десятилетие XX века практически к нулю сведены издания произведений писателей Беларуси в странах Закавказья, Средней Азии, да и в соседних Литве, Латвии, Польше... И в Украине за указанный период вышло только 3 книги. Если кое-что в этом плане все-таки делалось, то, подчеркнем, происходило это еще по инерции механизмов, задействованных прежней системой, тогда как положение дел в новой ситуации объясняется стереотипно и безапелляционно: в действие вступили законы рынка – жесткие, однако в целом справедливые, а все остальное, дескать, следует отбросить как обусловленное сантиментами. Мало смысла походя оценивать, насколько это объяснение-оправдание разумно в принципе, заметим, что для литераторов, которые чтут высокие идеалы и не утратили представлений о писательстве как особо важной гражданской миссии, сложившаяся ситуация оказалась если не полностью тупиковой, то чрезвычайно сложной. И многие белорусские писатели, что примечательно, выход из него ищут, сами себя переводя на русский язык...

Автоперевод, кстати, в советскую эпоху тоже имел место. Однако сейчас он явление особое и по мотивации, и по масштабу. Как бы то ни было, а русскоязычная литература, в сопряжении с собственно русской, по многим объективным причинам имела, имеет и будет иметь совсем иные возможности для включения в более широкие контексты. Соответственно, русский язык не только прежде способствовал, но и далее может способствовать интеграции культурного пространства народов бывшего СССР, а также, что не менее важно, утверждению национальных литератур в мировом контексте. И если вести речь об интересах России, по большому счету, нельзя этого не учитывать.

Известно, Россия велика, потенциально мощна и самодостаточна. Однако никак нельзя признать обоснованными суждения, которые доводится слышать: мол, русский язык сам по себе восстановит свой статус... В этом плане стоит хотя бы изначально учитывать закрепляющиеся различия геополитических зон предполагаемого/возможного его функционирования: СНГ – это одно, постсоветское пространство

в целом — уже другое, постсоциалистическое — еще иное, а весь изменяющийся мир — тем более. Опирайтесь все-таки надо на трезвые оценки реальности; а в таком случае невозможно не признать, что на всех уровнях статус русского языка падает катастрофически прежде всего как средства общения. Кстати, он перестает быть и языком межкультурного общения — увы, и в славянских странах к нему усугубляется отчуждение, и даже славистические общества стран бывшего СССР в функции официального языка стали использовать чаще английский, нежели русский. Для русских русский язык традиционно был не только значимым средством просвещения, образования, развития науки, культуры. Чем дальше, тем больше чувствуется необходимость расширения функций русского языка в мировой интернет-системе, охватившей все упомянутые сферы, в которых его значимость существенно падает, оставляя все меньше шансов на возврат к прежнему уровню, не говоря уже о повышении такового.

Вряд ли можно считать вселяющими оптимизм факты, к которым привлекают внимание СМИ: вот, мол, русский язык введен как учебный предмет в колледжи (профтехучилища) балтийских стран. Чтобы дать этому правильную оценку, стоит разобраться, чего ради это делается. И вывод оказывается малоутешительным: дело-то касается его использования как языка сервиса для русскоязычных туристов с определенной платежеспособностью, не более того.

Особо важный аспект обсуждаемого вопроса — как хотя бы удержать, если нет пока возможностей укрепить, русский язык в качестве средства формирования и распространения русской культуры на пространстве бывших советских республик. А там даже сохранение веками складывавшихся пластов ее становится все очевиднее проблематичным. Хотя бы потому, что в постсоветских странах ныне уже дееспособно, а вскоре встанет к штурвалам власти поколение, родившееся после «перестройки» СССР и мира, то есть после кардинально изменившегося положения русского языка и, соответственно, русской культуры. В связи с этим, как мне представляется, малоубедителен прогноз досточтимого коллеги С. Золяна относительно незаменимости русского языка именно в культурной сфере. Особенно если учесть следующее: собственно культура все более оттесняется тем, правильное название чего невозможно без дополнительных определений «масс-», «эрзац-», «пара-», «суб-» и что, в свою очередь, весьма специфически влияет на сознание, языковое и культурное прежде всего. Чтобы не быть голословными, в качестве конкретных примеров возьмем ряд закрепившихся и ставших вроде бы даже незаменимыми в последнее

время понятий: киллер, рэкетир, путана, интим-сервис, секс-бизнес, экстрасенс, хакер, спикер, рокер, дилер, брокер, менеджер, триллер, ваучер, имидж, электорат... Подмененные ими слова русского языка несут выразительные нравственно-этические определения, а также, если хотите, юридические квалификации, в частности: «убийца-душегуб, вор-разбойник», «распутница — шлюха — б...», «разврат-бардак» и т.д., тогда как при употреблении иноязычных «заменителей», да еще под мощным влиянием «эмансипированных» средств массовой информации эти слова воспринимаются не иначе как названия прибыльных и романтических профессий. Без языка, представляющего собой фонд духовного и нравственного опыта народа, сразу же утрачивается нравственный иммунитет, проявляется иммунодефицит, начинает действовать культурно-духовный СПИД. К тому же нельзя не учитывать, что названные заимствованные слова и именно так закрепившиеся понятия оказываются в обиходе народов бывших советских республик не без участия российских СМИ, а соответственно, и русского языка. Хотя это отдельная, весьма непростая, проблема.

Проецируя все затронутые вопросы на ситуацию Беларуси, можно констатировать, что у нас, по сравнению с остальными бывшими советскими республиками, они большой остроты не имели изначально, а те коллизии, которые возникали, разрешались до сих пор мирно.

В Республике Беларусь исторически сложилось русско-белорусское двуязычие. И по результатам референдума 14 мая 1995 года эта объективная реальность закреплена законодательно.

Каково положение русского и белорусского языков в настоящее время? Отметим некоторые — на наш взгляд, показательные — моменты. Русский язык повсеместно преобладает во всех сферах жизни городского населения, хотя белорусские диалекты сохранились в деревнях, а литературный белорусский язык используется обычно гуманитарной и творческой интеллигенцией. Белорусскоязычных школ по числу значительно больше, нежели русскоязычных, однако по численности учащихся — наоборот, так как опять же проявляется соотношение «город — деревня» [1, с. 168, 170]. Острых проблем с учебниками на обоих языках нет. Оба языка равноправны также при поступлении в средние специальные и высшие учебные заведения как «сдаваемый предмет». Вступительные экзамены абитуриенты имеют право сдавать и на русском, и на белорусском, хотя преподавание в вузах ведется на русском языке, за исключением филологических специальностей. При этом, как правило, наборы на русистику не меньше, чем на белорусистику. Государство постоянно осуществляет финансирование, причем

существенное, публикаций прежде всего белорусскоязычной литературы и периодики, но русскоязычные периодические издания тоже получают поддержку. Общее представление об этом, пожалуй, дадут следующие цифры, представленные министерством информации и печати Беларуси: «Примерно 30 % газет – чисто белорусскоязычные, около 15 % – на русском и белорусском языках, остальные – русскоязычные» [2, с. 4]; «В 2006 году во всем объеме выпуска литературы книги на белорусском языке занимают 7,1 процента, 6,7 процента – книги на иных языках, а вся остальная часть (86,1 процента) – книги на русском языке... На русском языке в Беларуси выходит 501 журнал, 131 – на белорусском и 16 изданий на других языках» [3, с. 4].

Правды ради следует отметить, что на республиканских радио и телевидении двуязычие проявляется не совсем так, как бы следовало с позиций равноправия, а тем более уважения к «титulyному языку»: русскоязычные программы явно преобладают, что, естественно, является фактором, вызывающим определенные коллизии, в любом случае – раздражительным для значительной части национальной интеллигенции, которая считает, что это результат окончательной русификации вследствие узаконенного двуязычия.

Однако языковая ситуация в Беларуси реально осложняется факторами иного плана. А именно: наряду с исторически вызванным двуязычием внешним, которое мы обсуждали, в так называемый перестроечный период у нас появилось обусловленное актуальной политикой многоязычие внутреннее, порожденное установкой: «белорусский язык должен быть не таким, как русский». В соответствии с этим определенными силами предпринимались попытки азбуку кириллическую заменить латинской – кстати, употреблявшейся частично в начале XX века, некоторые издатели книг и периодики стали игнорировать «наркомовскую» кодификацию языка, в том числе и современную академическую грамматику. С особой парадоксальностью это отразилось на орфографии, когда изначальный принцип «как слышишь, так пишешь» (то есть фонетический) оказался замененным на совершенно иной: «как хочешь, так пишешь» (то есть анархический). В итоге получилось несколько версий белорусского языка, что уже само по себе стало отвращать от его изучения школьников, студентов и т. д. Не улучшила такую ситуацию и осуществленная год назад реформа орфографии, так как разночтения с нормами в существующем фонде книг, включая хрестоматийный, все равно свидетельствуют о зыбкости не только норм правописания, но и нормативных основ языка в целом.

Так что и в Беларуси не все так просто, как может со стороны казаться.

Но вернемся к основному вопросу, вынесенному на обсуждение: что нужно для того, чтобы в странах СНГ и Балтии статус русского языка стал оптимальным, соответственно — чтобы закрепился и укрепился ареал русской культуры? С одной стороны, отвечать на него просто: нужна прежде всего забота властей России об этом; а это зависит от будущего статуса России в мире.

С другой стороны, мы, конечно же, понимаем и свою ответственность за происходящее: как-никак, это при нас возникло много преград и появляются все новые (одолеем ли их?); на наших глазах шло и продолжается разрушение прежней общности и ослабление роли языка, эту общность скреплявшего (остановим ли?). Соответственно, это зависит от наших совместных усилий.

Список литературы

1. Головки Ж. С. Современное языковое строительство в Восточной Славии. Харьков, 2010.
2. Літаратура і мастацтва. 2003. 31 янв.
3. Літаратура і мастацтва. 2007. 10 авг.

Рустам Салимов
(Душанбе, Таджикистан)

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ В МНОГОЯЗЫЧНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

Расширение международных связей, крепнущее экономическое сотрудничество и деловое партнерство со многими странами, углубляющиеся процессы глобализации во всех сферах материальной и духовной жизни общества, происходящие интеграционные и миграционные процессы настоятельно требуют создания условий, способствующих этим переменам. Современный уровень информационных и коммуникационных технологий, социально-экономического развития требует поиска новых подходов к управлению

сферой человеческого общения, в которой важная роль принадлежит языку.

Проблема развития таджикского языка как государственного и русского языка как языка межнационального общения является одним из приоритетных направлений политики Правительства Республики Таджикистан, что закреплено Конституцией страны и Законом о государственном языке.

Роль русского языка в образовательной системе в последние годы значительно укрепилась и возросла. Об этом свидетельствует и указ президента Республики Таджикистан Э.Ш. Рахмонова об улучшении преподавания русского языка в образовательных учреждениях, и «Государственная программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на

2004–2014 годы». Само появление этих документов говорит о том, что государство в полной мере осознает необходимость через систему образования в целом и через качественное языковое обучение в частности обеспечить достойную жизнь и свободное развитие каждого члена общества.

Наиболее приоритетными направлениями реализации Программы совершенствования преподавания и изучения русского языка признаны: а) ее финансовое обеспечение; б) научно-исследовательский и научно-методический аспекты обеспечения; в) создание речевой среды, стимулирующей процесс овладения неродным языком с практической (коммуникативной) целью.

Программа составлена с учетом всестороннего охвата проблемы, в ней сделана попытка описать все аспекты научно-методической и социально-педагогической проблемы, начиная с анализа реального состояния преподавания русского языка, прогнозирования ситуации, которая заключается в планировании подготовки кадрового состава научных и педагогических работников, и кончая определением круга конкретных мероприятий.

Необходимость качественного овладения русским языком составители документа обосновывают неуклонно крепнущим экономическим сотрудничеством и деловым партнерством с Россией и другими государствами. В программе отмечается, что знание русского языка, повышение его престижа в современном таджикском обществе не причиняет и не может причинить ущерба государственному языку, поскольку «хорошее владение иностранным языком невозможно без глубокого знания родного языка... языковая культура межнационального общения тем выше, чем выше культура национального языка, а культура языка неотрывна от общего культурного уровня населения, от воспитания общей культуры гармонично развивающейся личности» [1, с. 37–38].

Подобное решение языковой проблемы имеет консолидирующее значение для многонационального общества Таджикистана и достаточно четко отражает научные основы овладения неродными языками. Оно также раскрывает общественно-педагогическую задачу гуманизации общества.

В нашем государстве обучение на уровне среднего образования осуществляется на пяти языках: таджикском, узбекском, русском, киргизском и туркменском. Изучение же русского является обязательным в каждой школе независимо от языка обучения.

Проблема функционирования русского языка как средства межнационального общения, вопрос о перестройке его преподавания в

школах неоднократно обсуждались высшими органами Таджикистана, в том числе Министерством образования республики. Итоги этих обсуждений нашли отражение в ряде соответствующих решений и постановлений, сыгравших значительную роль в усилении и расширении функций русского языка на территории страны.

За последние годы произошли значительные изменения в постановке преподавания русского языка в Таджикистане. Его роль как средства межнационального общения стала основным фактором, обусловившим активизацию поисков оптимальных путей и способов изучения и преподавания. Большое внимание этой проблеме уделяют органы и учреждения народного и высшего образования республики, печать, радио и телевидение. В высших учебных заведениях активизировалась работа кафедр русского языка и методики преподавания русского языка в таджикской школе, вдвое увеличен прием студентов на отделения русского языка и литературы в высших учебных заведениях страны.

Способствует укреплению позиций русского языка в сфере образования и сотрудничество Таджикистана с Российской Федерацией. В настоящее время в рамках реализации «Государственной программы по совершенствованию преподавания русского языка...» при Российско-Таджикском (Славянском) университете (РТСУ) с 2005 года функционирует Институт повышения квалификации, 20 марта 2009 года в РТСУ открыт диссертационный совет Д 737.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций по филологическим наукам по специальностям 10.01.10 «Журналистика» и 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание».

Развитие двуязычия в республике вызвало к жизни необходимость теоретического осмысления таджикско-русского билингвизма. Большое внимание русисты Таджикистана в связи с этим уделяют сопоставительному анализу русского и таджикского языков. Проблема сопоставительной таджикско-русской типологии продолжает оставаться в центре внимания современных лингвистов. В настоящее время эта проблема переживает новый этап своего развития. Кафедры русского языка заняты исследованием проблем двуязычия и лингвистических основ преподавания русского языка. Разрабатываются основы описания грамматических, лексикологических и словообразовательных особенностей русского с учетом специфики его преподавания в средней школе и вузах республики.

Коллектив методистов, лингвистов, психологов разрабатывает концепцию коммуникативной направленности обучения русскому языку как неродному. Основываясь на достижениях смежных наук, а

также на всестороннем изучении проблем глубинной структуры русского и таджикского языков, языковых контактов, интерференции, ученые республики существенно перестраивают систему преподавания русского языка в таджикском вузе. В отличие от тех целей, которые ставятся при изучении родного языка, основная цель обучения русскому – формирование навыков мотивированного употребления языковых средств в определенных ситуациях общения, то есть овладение языком в его коммуникативной функции.

В настоящее время в Таджикистане проводится эксперимент по преподаванию русского языка на основе календарных планов новой структуры и содержания. Ученые-русисты систематически анализируют уровень владения русским языком молодежью республики и разрабатывают конкретные предложения для повышения этого уровня.

Для улучшения качества преподавания русского языка в Республике Таджикистан издается научно-методический журнал «Русский язык и литература в школах Таджикистана», ежегодно выходят сборники научных трудов, где печатаются исследования русистов. Особо следует отметить сборник «Актуальные проблемы филологии», а также издание «Вестник РТСУ». Значительный интерес представляют республиканские и межвузовские сборники научных трудов.

На базе РТСУ, одного из самых молодых вузов Республики Таджикистан, ставшего за 15 лет своего существования культурным и научным центром, в последние годы было проведено значительное количество научных и научно-методических мероприятий республиканского масштаба. Преподаватели филологического факультета университета являются инициаторами проведения многих мероприятий, направленных на поддержку и развитие русского языка в республике. В университете систематически проводятся круглые столы по проблемам функционирования русского языка в различных сферах общения в Таджикистане, по вопросам преподавания русского языка в средней и высшей школе.

Ежегодно на базе РТСУ при финансовой поддержке фонда «Русский мир» проводятся научно-практические конференции по актуальным проблемам филологии и методики, семинары, круглые столы, мастер-классы с участием ученых Таджикистана, России, Киргизии. К участию в работах конференций приглашаются таджикские, российские и зарубежные ученые, деятели науки и культуры, интересы которых связаны с изучением лингвистических, исторических, филологических, социологических, этнических, антропологических, политико-правовых и культурологических аспектов славяноведения в среднеазиатском регионе. Все это свидетельствует об укреплении позиции

русского языка и русской культуры в многоязычном Таджикистане. Проводятся конференции по актуальным проблемам русского языка на базе лингвистических кафедр и других вузов республики.

На кафедре русского языка систематически выполняются государственные темы, важные для проведения языковой политики в Таджикистане. С 2006 года началась работа над новой темой – «Реализация коммуникативного метода в альтернативном учебном комплексе по русскому языку для средней школы с таджикским языком обучения». В качестве плановых научно-исследовательских и научно-методических тем на кафедре русского языка разрабатываются следующие проблемы: «Закономерности функционирования и развития языков. Многоязычие в Таджикистане и пути его совершенствования», «Компаративное и контрастивное исследование языков» (в рамках последнего разрабатываются проблемы: «Исследование русского языка в сравнительно-историческом и сопоставительном аспектах», «Использование сравнительно-исторических и сопоставительных исследований в преподавании русского языка и методическое обеспечение подготовки специалистов»). Ученые республики принимают активное участие в работе международных конгрессов, конференций, симпозиумов по русскому языку и методике преподавания русского языка за пределами республики.

В настоящее время совершенствование преподавания русского языка – одна из основных задач, стоящих перед высшими учебными заведениями Таджикистана.

Список литературы

1. *Государственная программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на 2004– 2014 годы* // Нормативно-правовые акты системы образования. Душанбе, 2003.
2. *Национальная концепция образования Республики Таджикистан*: утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан 3 мая 2002 г. № 200.

Александр Бондарев
(Москва)

**«ПРОМЕЖУТОЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ»
ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ДИАЛОГЕ
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР**

«*Пр*омежуточное положение» – герменевтический термин, локализирующий продуктивную позицию наблюдателя – участника исторической смены культурной парадигмы. Его ценностная позиция выступает условием порождения высказывания (utterance), реагирующего на сюжетобразующее взаимодействие традиции и новаторства.

Высказывание понимается нами как широкий спектр вербальных и невербальных реакций – от молчания («значимого отсутствия») до романа-эпопеи толстовского типа: «Из промежуточного положения, в которое поставлена герменевтика, следует, что ее задача заключается вообще не в том, чтобы разработать метод понимания, но в том, чтобы прояснить те условия, при которых понимание совершается» [3, с. 350].

Условием аналитико-синтетического понимания является хроно-топ гротескного перехода, пробуждающий активный познавательный интерес наблюдателя. Этимология слова «интерес», согласно словарному значению латинского глагола *inter-esse* – «находиться между, посередине, различаться, отличаться» восходит к Античности, осознавшей когнитивные возможности вненаходимости. Промежуточное положение позволяет сознанию дистанцироваться от всех преходящих форм социально-экономического принуждения в интересах подлинного бытия, занимающего топографическое положение между языком

и речью в системе культуры, монологом и диалогом, переводом и интерпретацией, мифологией и историей, архетипами Эдипа и Ореста, традицией и новаторством. Высказывание обретает статус способного к ответу (answerable) поступка, если «отправитель» осознает трансгрессиентность своей позиции между актуальной проблематикой «человеческого существования» (Б. Паскаль) и традицией ее исторических истолкований. В масштабе человеческой жизни такое осознание квалифицируется как «пиковое переживание» (А. Маслоу); в масштабе национальной культуры — как «золотой век».

1. Язык и речь в системе культуры. Ответственность высказывания определяется его посредническим положением между языком и речью. Высказывание как часть строится по законам целого, где целое — язык, а часть — речь. Так мыслил дихотомию языка и речи основатель структурной лингвистики Фердинанд де Соссюр [5, с. 57]. Понимание высказывания обеспечивается выявлением генерирующей его смысл взаимообусловленности целого и части: «Целое должно быть понято в терминах его индивидуальных частей, индивидуальные части — в терминах целого, — пишет Вильгельм Дильтей. — Понимание целого и его частей является взаимозависимым» [7, с. 262].

Новаторское произведение как высказывание, построенное по законам семиотической системы культуры, занимает положение, определяемое взаимодействием интра- и интертекстуальных соотношений. Внутритекстовые связи (in praesentia) образуют композицию произведения. Межтекстовые связи (in absentia) — его архитектурную форму. В результате описанной Т. С. Элиотом [6, с. 160] интерполяции новаторского произведения в литературную систему меняется архитектура и этой системы, и интегрированного в нее произведения. Корреляции между произведениями образуют сеть соотношений, отсылающих к законам функционирования системы культуры.

2. Монолог и диалог. Проанализировав ситуации межкультурной коммуникации, Мартин Бубер выделил три типа диалога: подлинный, технический и диалогический по форме, но монологический по содержанию [2, с. 140]. *Диалогическая активность* восприятия предполагает наличие единого для двух собеседников смыслового пространства, «общей части» — места пересечения их тезаурусных полей [4, с. 93—100]. Отсутствие общей части — сегмента, образуемого пересечением двух окружностей, является условием невозможности диалога. Полное совпадение радиусов концентрических окружностей делает диалог ненужным. Зато наличие общей части обеспечивает условие расширяющего общего тезаурусное пространство *подлинного* диалога, в ходе которого анаक्रиза — провоцирующая активность вопроса, проб-

лематизирует синкретическую модель сознания отправителя. Переработка полученной информации деконструирует исходную гносеологическую модель сознания. В свою очередь, скорректированный вопросом ответ запускает механизм когнитивной восприимчивости получателя. Такова последовательность динамичного, «незавершенного» и «незавершимого», диалога *личностей*, способных на равных обсуждать «последние вопросы» благодаря поэтапному расширению знаний как о внутренней диалектике явления, так и о сделанных по существу его содержания высказываний.

3. Перевод и интерпретация. Место переводчика определяется его промежуточным положением между отправителем и получателем. Модель двустороннего перевода, включающая этапы перехода от исходного языка (ИЯ) к языку перевода (ПЯ) и обратно, воспроизводит этапы познавательного диалога: вживания и объективации с последующим диалогическим соотнесением «своего» и «чужого». Общая часть двух языков играет роль посредника, занимая собственно промежуточное положение между ядрами ИЯ и ПЯ. Процесс развертывания диалога, расширяющего сознания переводчика и собеседников, сопровождается расширением общей части, вбирающей в себя новую информацию. *Адекватный* перевод иллюстрирует понятие «подлинного диалога», представляя собой вербализованный, то есть нашедший словесное выражение результат диалогического соотнесения вживания и объективации [1]. Если предоставленный самому себе диалог чреват срывом в технический обмен информацией либо в замаскированный под диалог монолог, то априорное преимущество перевода как «удвоенного диалога» состоит в том, что переводчик воплощает в себе возможность остраненного понимания позиций двух сторон. С его помощью убеждения собеседников, не отождествляясь, настолько познавательно соотносятся друг с другом, насколько расширилось сознание переводчика в диалоге между вживанием и объективацией. В свете теории познания перевод предстает активным процессом интерпретации события бытия – заинтересованным пониманием и ответственным поступком.

4. Мифология и История. Вживаться (*einfühlen*) в логику исторического события архаического человека побуждает изгоняющая его из мифологии необходимость, обрекающая на труд экзистенциального самообретения. Вживаться в мифологическое событие «безосновного» (*Ungründen*) исторического человека побуждает потребность онтологической самоидентификации. Возможность диалогического общения между мифологической и исторической ипостасями индивида реали-

зуется в «вечных» образах Дон Кихота и Фауста. Дон Кихот — продукт мифологического сознания, объективированного исторически, Фауст — порождение исторического сознания, объективированного мифологически.

Если Дон Кихот трансполирует «золотой век» в прошлое, а гётевский Фауст — в будущее, то Робинзон Крузо Д. Дефо предстает историко-мифологическим и мифолого-историческим посредником между ними. Робинзона сближает с Дон Кихотом мифологическая приверженность социокультурному архетипу, который он преднаходит и исповедует в качестве безусловной общественной нормы. Вместе с тем одинокий Робинзон предвосхищает гётевского Фауста, действуя на свой страх и риск как становящийся герой литературы Нового времени. Робинзон Дефо — посредник между мифологией и историей, Дон Кихотом и Фаустом. Он мифологизирует свое жизнестроительство и историзирует — воплощает миф о вечном становлении.

5. Эдип и Орест. Архетипы Эдипа и Ореста определяют посредническое положение бесосновного индивида между мифологией и историей. Миф об Оресте (матереубийце) реализует этическое должностное историческое императива. Миф об Эдипе (отцеубийце) — вторжение регрессивно-иррационального в эволюционные проекты.

Образ Ореста ассоциируется с культурой, образ Эдипа — с природой. Орест — порождение аполлонического начала, Эдип — дионисийского. Судьба Ореста — конструировать гносеологические модели. Судьба Эдипа — претерпевать психические конфликты, бушующие в недрах «Id». Орест — эволюционен, Эдип — инволюционен. Орест — этичен, Эдип — эстетичен. Экстравертный Орест «разбрасывает камни», интровертный Эдип «собирает» их. Под знаком экстравертной устремленности в будущее воплощают свои чаяния «эволюционные» эпохи культуры. Под знаком интровертной регрессии в прошлое «претерпеваются» эпохи безвременья, кризисов и перерождений.

6. Традиция и новаторство. Эпохи «золотого века» возникают благодаря занимаемому ими промежуточному положению между традицией и новаторством. Италия вступила в свой золотой век в эпоху Возрождения, став активной участницей встречи Средневековья с Античностью — встречи, наметившей радикальные перемены в культуре Нового времени. Испанское барокко повлияло на все европейское искусство, отразив драматические обстоятельства перехода от Возрождения к Классицизму. В промежуточном положении между культуранизмом барокко и концептизмом Просвещения оказалась Франция, обозначив нормативные для всей Европы контуры рационализма,

классицизма и абсолютизма. Английское просвещение, немецкий романтизм, русский классический реализм XIX века, североамериканский, а затем и латиноамериканский романы XX века предстали общекультурными явлениями, воплотившими поиски условий возможности самоактуализации метафизического субъекта истории. Современная литература привлекает внимание творчеством «миграционных писателей», в произведениях которых находят словесное выражение немислимые прежде «гибридные» формы художественного сознания.

Золотой век русской литературы, претворив в эстетическую реальность *диалогические* отношения между автором и героем, обозначил гуманистическую перспективу положительного выхода из тупика альтернативно-монологических субъектно-объектных отношений. Люди тянутся к языку и культуре той страны, которая своими жизненными достижениями намечает пути, ведущие к пробуждению их «самости» — личностному становлению. Положительное решение вопроса о сохранении русского языка как средства межнационального общения в странах СНГ и Балтии, а также в «мультимедийном» пространстве XXI века обусловлено способностью русскоязычной многонациональной культуры облечь общечеловеческое содержание в адекватные ему диалогические формы.

Список литературы

1. Бондарев А. П. Уровни переводческой компетенции: Семантика. Синтаксис. Прагматика. Функциональность. Диалог // Тетради переводчика. МГЛУ. 2007. Вып. 26.
2. Бубер М. Диалог // Два образа веры. М., 1999.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
4. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1.
5. Соссюр Фердинанд де. Труды по языкознанию. М., 1977.
6. Элиот Т. С. Назначение критики // Элиот Т. С. Назначение поэзии. Киев, 1997.
7. Dilthey W. Selected Writings. L., 1976.

Наталья Сарсекеева
(Алма-Ата, Казахстан)

**РОЛЬ ТРАДИЦИИ
ИЗОБРАЖЕНИЯ «ИСКАТЕЛЯ ИСТИНЫ»
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАЗАХСТАНА
В КОНТЕКСТЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА**

К началу XXI века общена-
циональные критерии ли-
тературы все более под-
вергаются сомнению. Так, в современ-
ной критике предлагаются модели сосу-
ществования множества литератур внутри
русской литературы, определяемой
как «мультилитература», литературная
«радуга» и др. [3, с. 34]. Вместе с тем в пе-
риод независимости литературные свя-
зи и влияния национальных литератур
основаны по-прежнему на культурных и
литературно-языковых контактах между
народами и суверенными государства-

ми, и в этом процессе трудно переоценить роль русского языка как языка межкультурного и межнационального общения. Казахстан, выдвинув в 1994 году в качестве приоритетной идею евразийства, стремится не прерывать исторически сложившиеся контакты, придавая особое значение диалогу культур и цивилизаций. Интегративные тенденции в общемировом литературном процессе наглядно отражены в коллективной монографии «Литературно-художественный диалог» (Алматы, 2008), подготовленной Институтом литературы и искусства им. М. Ауэзова МОН РК и ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, главным объектом которой является казахский литературный текст, живущий в вечном диалоге с русской и другими культурами.

Для дальнейшего развития литературы в ситуации «культурной глобализации» особенно актуальным и плодотворным представляется взаимодействие сложившихся ранее традиций и новых историко-культурных парадигм, их соотношенность и взаимодействие, неизбежно приводящие к диалогу. Как известно, диалогическое мироощущение в философско-эстетическом аспекте впервые было концептуально осмыслено и сформулировано в трудах М. М. Бахтина, пришедшего к выводу о том, что изучение многообразных художественных моделей и эстетических систем в литературе необходимо проводить в аспекте их «созвучий и пересечений».

Объектом внимания в данной статье является исторически сложившаяся в казахской литературе традиция изображения «искателя истины» на примере современной «интеллектуальной» прозы периода независимости, не ставшая пока предметом углубленного изучения. Казахская проза периода независимости, в которой русская проза исторически занимает значительное место, отличается тенденцией к синтезу разных культурных традиций, поисками оригинального стиля. Стремление к разнообразию, сплетению разных методов, жанров и стилей порой в пределах одного произведения объективно ведет к качественным изменениям в соотношении категорий «автор — герой». Современные казахстанские авторы также все более осознают «свою функциональность по отношению к тексту» [5, с. 541].

Эта особенность семантики категории автора и авторского сознания ярко выражена в «романе-откровении» Хасена Адибаева «Созвездия близнецов» [1]. Автор представлен здесь одновременно в нескольких ипостасях: рассказчик, лирический герой, скриптор (Р. Барт), повествователь, философ, собиратель истин и даже врач (как он сам себя именует). Читатель наблюдает не только перевоплощение автора в героев различных эпох и народов, но и свободное перемещение авторского сознания из эпохи Древнего Египта во времена Великой французской революции. При этом обнаруживается сходство образов Марата и Робеспьера с образами бунтарей Древнего Египта, которых роднит «вечная мечта о Мессии-освободителе, справедливом правлении».

Мир романа Х. Адибаева насквозь интертекстуален, в его повествовании можно обнаружить поэтические вставки из Абая и Рудаки, произведений устного народного творчества, повторяющиеся цитаты из других произведений, архаичную и современную лексику. Выбор подобной стратегии автором обусловлен его замыслом — подняться от конкретных ситуаций до высот глобальных общечеловеческих обобщений, проанализировать всеобщую историю цивилизаций, народов и дать определенный прогноз развития человечества.

Автор (он же и лирический герой, и скриптор) выступает без каких-либо признаков национальной идентификации, это своего рода космополит, гражданин мира, что достаточно ново для творческой манеры Х. Адибаева как писателя-традиционалиста. Литературной новацией для казахской прозы выступает также введение пласта сидхи — древней индийской медитационной практики. Не случайно герой — мальчик, не связанный никем и ничем, — вдруг обретает крылья и летит, обозревая весь мир. Так происходит экзистенциальный «выход» автора и героя в некое трансцендентное пространство.

В «новом казахстанском романе» в качестве ведущей все чаще становится экзистенциальная проблематика («Разума пылающая война» Т. Абдикова, «Цветы и книги» Д. Амантая и др.), а героями — «выпавшие» по разным причинам из общества индивидуумы. Своеобразным исключением из этого ряда является тетралогия Аслана Жаксылыкова «Сны окаянных» [2], так как тема ядерного полигона и его последствий здесь больше связана не с современными реалиями Казахстана, а с советским тоталитарным прошлым. Героями этого произведения выступают дети заброшенного полигона и их Учитель, «старый и вечно одинокий», составляющие своеобразный реестр вещей, явлений и событий — всего, что они видят и слышат. По их мнению, все это представляет собой то, что можно противопоставить всеобщему Хаосу.

Мотив надвигающейся вселенской катастрофы, пронизывающий роман, усугубляется «галереей» безымянных страшилищ, звериных масок, людей-крыс и др. Обращает на себя внимание склонность автора к проведению аналогий между животным и человеческим мирами, обусловленная, как и у Х. Адибаева, буддистским представлением о взаимопроницаемости времен и состояний, мира реального и мира воображения, находящихся в постоянном движении.

Авторы «нового романа» (А. Роб-Грийе, Н. Саррот, М. Бютор, К. Мориак, К. Симон и др.), отвергая «сюжетную литературу», стремились беспристрастно описывать то, что предстает взгляду пишущего, передавать развитие событий через чисто зрительное («объективное») описание мира, где люди и вещи в одинаковой мере являются *объектами*. Жан — герой романа А. Жаксылыкова — и Алишер из романа Дидара Амантая «Цветы и книги» (Алматы, 2005) ищут и не находят гармонии с собой и окружающим миром. Оба они — «выброшенные из собственной биографии» (определение О. Мандельштама). Речь Жана, обращенная к самому себе, представлена в виде пространного монолога: одно, без перерывов и отступлений, огромное предложение, объ-

емом порой в целую страницу, являет собой модификацию распространенного в литературе XX века приема «потока сознания».

Воспоминания Алишера и других персонажей Д. Амантая также прерывисты, в потоке воспоминаний автора-рассказчика стираются грани между прошлым и настоящим вследствие работы так называемых «стимулирующих образов», вызывающих те или иные ассоциации. При этом известный прустовский мотив поисков «утраченного времени» своеобразно трансформируется у А. Жаксылыкова в мотив поисков своего Пути неким Искателем-талибом в завершающей романной книге «Дом сурриката».

В романе «Круг пепла» Дюсенбека Накипова [4] эсхатологическая линия связана с главным образом-мотивом, вынесенным в заглавие, — своеобразным мостом между разными временными пластами цивилизаций. Одновременно он символизирует основу мироздания, связанную с изначально-циклическим временем: «Четверо возвышенных восседали в круге пепла, вдыхая дымы древние и новые, были они ответны каждый за свое время года — зеленое, синее, желтое и белое и за все, что там в их времени сотворяется...» [4, с. 41]. Фигуры возвышенных могут олицетворять пророков или духовную силу мировых религий (ислама, буддизма, христианства), а образ четвертого — идею тенгрианства, весьма распространенную в Казахстане. Они могут также воплощать четыре времени года.

Таким образом, основным фактором современной «интеллектуальной» прозы Казахстана, опирающейся на русский язык, является ее стремление к межкультурному и межнациональному диалогу, взаимодействию и синтезу различных этнокультурных интенций и влияний. Представители «новой волны» ведут собственный поиск эстетически самодостаточных форм и принципов повествования. Авторские интенции представителей «нового казахстанского романа» направлены на установление взаимодействия, контакта, диалога различных литературно-культурных традиций. Диалогичность, внутренне присутствующая евразийской философии, выражает особое мировидение, которое не сводится ни к Востоку, ни к Западу.

В частности, персонажи казахстанской прозы в отличие от героев западного «нового романа», оторванных от исторических корней и социума реальности, еще связаны с историческим прошлым своими рефлексиями: на подсознательно-интуитивном уровне они сохраняют в себе память истории своего рода, ощущают влияние правремени. В романах казахских авторов присутствует некий «просвет» в плане сюжетной интриги и позитивной основы судьбы героя, в то время как в западном «новом романе» устойчива тенденция к его деструкции.

В связи с этим можно предположить, что направленность на позитивное смыслопорождение связана с издавна присущей номадам (кочевникам) верой в самогармонизацию мира, с национальными архетипами идеалов самосовершенствования в свете влияния суфизма и тенгрианства. Анализ романа «новой волны» в литературе Казахстана в рамках диалога национальной традиции изображения «искателя истины» и новаций мирового литературного процесса, с учетом опыта русской классики способствует выявлению новых граней авторского сознания прозы современного Казахстана, в котором и проявляется дух времени.

Список литературы

1. *Адибаев Х.* Созвездия близнецов (сокровенное и таинственное) : роман-откровение. Алматы, 2004.
2. *Жаксылыков А.* Сны окаянных. Алматы, 2005 – 2008.
3. *Иванова Н.* Ускользящая современность. Русская литература XX – XXI веков: от «внекомплектной» к постсоветской, а теперь и всемирной // Вопросы литературы. 2007. № 3.
4. *Накипов Д.* Круг пепла. Алматы, 2004.
5. *Ржанская Л.* Интертекстуальность (Возникновение понятия. Об истории и теории вопроса) // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. М., 2002.

**ЯЗЫКОВАЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В СТРАНАХ СНГ И БАЛТИИ:
НОВЫЕ ТРЕНДЫ**

...при отсутствии в большинстве стран самостоятельного курса русской литературы уроки русского языка несут полную нагрузку по знакомству школьников с элементами русской культуры...

Т. Кудоярова

Сегодня русский язык, втянутый в процесс глобализации мира, интеграции Европы, проходит своеобразное испытание на жизненную силу.

В. Старичёнок

...актуальным в настоящее время представляется проведение комплексных исследований состояния и динамики русского языка в Литве, основанных на четко разработанной методологии и системе верификации полученных данных.

Д. Балшайтите

Никак нельзя согласиться с мнением, что приоритетное функционирование одного (государственного) языка создает какие-то препятствия для развития других языков.

И. Каримова

Гарантом сохранения, развития и распространения инофонного языка (в нашем случае — русского) за пределами России является не официальный его статус, а образовательный.

М. Джусупов

Современный армянско-русский билингвизм продиктован не государственным требованием, а потребностью.

Н. Дашян

Педагогические вузы республики прекратили готовить специалистов для иноязычных школ практически сразу после обретения независимости от СССР.

И. Қалақаускас

Сейчас в Литве политика властей направлена скорее на интеграцию русскоязычного населения, чем на вытеснение его из страны.

А. Гнеушева

Татьяна Кудоярова
(Москва)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕРОДНОМУ В СТРАНАХ СНГ И БАЛТИИ

За годы существования СНГ в каждом из независимых государств были приняты национальные образовательные стандарты, программы, созданы новые учебники, сложилась своя методическая школа в области преподавания русского языка. На специфику методических представлений оказывали влияние различные факторы: статус русского языка, политические и социальные процессы, количество и характер русскоязычного населения в каждой из стран. Несмотря на все более проявляющиеся различия, существует и стремление к сближению. Политические решения глав правительств СНГ в целом направлены на воссоздание общего образовательного и культурного пространства, укрепление роли русского языка как официального языка СНГ. Предполагалось даже, что к 2007 году будут введены единые образовательные стандарты. Наряду с официальными заявлениями на конференциях и встречах многократно звучали мнения опытных методистов, учителей-практиков о необходимости обмена методической информацией, возможности использования положительного опыта коллег из других стран.

В связи с этим представляется крайне важным постоянный мониторинг ситуации с преподаванием русского языка в странах СНГ и Балтии. С этой целью нами были проанализированы школьные стандарты образования и учебные программы по русскому языку как родному, неродному/иностранному из 11 стран (Азербайджана, Арме-

нии, Беларуси, Казахстана, Латвии, Литвы, Эстонии, Молдовы, России, Украины, Таджикистана и Эстонии) [4], а также ряда учебников по русскому языку из некоторых стран постсоветского пространства.

При разнице в структурном подходе и содержании программные документы разных стран объединяет то, что для обоснования целей обучения авторы в той или иной степени используют компетентностный подход. В исследованных нами 23 программах было заявлено в общей сложности 28 компетенций. Конечно, наиболее частотной из них является коммуникативная, но большое значение современные методисты придают и таким компетенциям, которые предполагают развитие духовного потенциала личности ребенка, формирование у него гуманистического мировоззрения, толерантности по отношению к инаковым культурным традициям, воспитание эстетических ценностей. Изучение русского языка неразрывно связано с проникновением в культуру России, что дает возможность не только лучше понять язык, но и увидеть общее, объединяющее в культуре разных народов. Приведем несколько примеров того, как лингвокультурологический аспект отражается в постановке целей обучения:

– **культуроведческая компетенция:** знания о языке и культуре, их взаимосвязи, об отражении в языке материальной и духовной культуры народа, владение нормами русского языкового этикета, культуры межнационального общения [3; 5];

– **межкультурная компетенция:** способность старшеклассника участвовать в межкультурном общении, учитывая общность и специфику национальных культурно-речевых традиций и идеалов [8];

– **этнокультуроведческая (этнокультурная) компетенция:** формирование совокупности знаний о реалиях быта, обычаях и традициях русского народа [2];

– **культурная компетенция:** способность ориентироваться в культуре, получать удовольствие от художественного творчества, использовать художественные средства для творческого самовыражения и творческой самореализации [1].

Из приведенных примеров видно, что, имея отличия в названиях, данные компетенции близки по сути, и это делает потенциально возможным унификацию постановки целей образования во многих странах.

Интересно также проследить, как реализуются заявленные в программах компетенции в учебниках конкретных авторов.

Особого внимания в этом смысле заслуживают учебники русского языка как неродного/иностранного. На примере анализа содержания учебников из Армении, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана и Украины можно сделать вывод, что, несмотря на общий высо-

кий методический уровень и соответствие программам и стандартам, актуальным остается вопрос о соотношении в материалах учебников информации о родной стране и стране изучаемого языка (в данном случае о России). Бесспорно, что при отсутствии в большинстве стран самостоятельного курса русской литературы уроки русского языка несут полную нагрузку по знакомству школьников с элементами русской культуры, с русской литературой, с особенностями современного русского языка. К сожалению, в ряде проанализированных учебников объем информации о России представлен бессистемно, минимизирован или практически сведен к нулю.

На общем фоне выделяются учебники последних лет, выпущенные в Казахстане [6; 7]. Содержание упражнений в них не только разнопланово и дидактично, но и полностью соответствует задачам воспитания толерантности, любви и уважения к родному и русскому языкам, осознания актуальности изучения русского языка. В упражнениях пропорционально представлены культурно значимые тексты и Казахстана, и России. Отрадно, что в одном из учебников в качестве анализируемых текстов использованы отрывки не только из классической, но и из современной литературы (из произведений Б. Акунина, М. Палей, Т. Толстой).

Список литературы

1. Государственная программа обучения для основной школы и гимназии : принята на основании Постановления Правительства Республики Эстония от 25.01.2002 г. № 56 : дата вступления в силу 01.09.2002 г. Таллин, 2002.
2. Государственные стандарты среднего образования Республики Казахстан. Алматы, 1998.
3. Есаджанян Б.М., Баласанян Л.Г., Баятян Э.А., Шахкамян Г.Г. Методика преподавания русского языка как неродного. Ереван, 2008.
4. Кудоярова Т.В. Русский язык в современной образовательной среде : дис. ... канд. пед. наук. М., 2009.
5. Программа по русскому языку как неродному для таджикских школ (2–11-е классы). Душанбе, 2008.
6. Сулейменова Э.Д., Сабитова З.К. Русский язык. Учебник для 9-го класса общеобразовательной школы. Алматы, 2009.
7. Сабитова З.К., Жубуева Ф.Х. Русский язык. Учебник для 10-х классов естественно-математического направления общеобразовательных школ. Алматы, 2010.
8. *Masākumtautību valoda in literature*. Rigas, 2007.

Василий Старичёнок
(Минск, Беларусь)

РУССКИЙ ЯЗЫК В БЕЛАРУСИ: СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Трудно переоценить роль русского языка в жизни каждого отдельного человека и в жизни всей нашей страны. Ведь благодаря языку в материальной форме воплощаются наши мысли, объединяются люди, хранятся и передаются будущим поколениям культурные ценности. Язык называют философией мира, запечатленной в лингвистических структурах и правилах, системой знаний о мире, его пониманием.

Сегодня русский язык, втянутый в процесс глобализации мира, интеграции Европы, проходит своеобразное испытание на жизненную силу. Кризис переживает и русский язык в Беларуси. Он характеризуется резким снижением уровня грамотности и культуры речи в студенческой среде, в средствах массовой информации, в профессиональном и бытовом общении, а также политической сфере. На наших глазах язык утрачивает свою воздействующую силу, живость и меткость. То, что мы видим на экранах телевизоров и слышим по радио, зачастую только отдаленно напоминает великий и могучий русский язык. И поэтому филологи, философы и психологи поднимают проблемы экологии языка и культуры, загрязнения языковой среды.

В создавшихся условиях перед современной высшей и средней школой встает серьезная задача поиска эффективных средств обучения, которые бы давали гарантию не только получения профессионального образования, но и повышения уровня речевой культуры выпускника.

В Беларуси в соответствии с референдумом 1995 года и законом «О языках в Республике Беларусь» (1998) русский язык (наряду с белорусским) является государственным. При одинаковом законодательном статусе двух языков русский используется активнее, чем белорусский. Он доминирует в таких сферах, как наука, государственное управление, высшая и средняя школа, делопроизводство, средства массовой информации. Свободное владение русским языком становится объективной необходимостью и потребностью граждан, служит приобщению к духовным ценностям отечественной и мировой культуры.

По переписи населения 2009 года в Республике Беларусь проживает 9 503 807 чел.: белорусов — 7 957 252 чел. (83,73 %), русских — 785 084 чел. (8,26 %). В качестве родного назвали белорусский язык более 60 %, русский — более 37 %. Из общей численности населения в качестве языка, на котором обычно разговаривают дома, русский указали более 70 %, белорусский — более 27 %.

Реальную картину владения двумя языками во многом определяют школы и вузы. В 2011–2012 учебном году более 90 % студентов вузов обучаются на русском языке. По данным Министерства образования, каждый год примерно на 2–3 % увеличивается число школ с русским языком обучения. По состоянию на начало 2011–2012 учебного года в республике из 916 тыс. учеников на русском языке обучаются примерно 752 тыс., что составляет более 81 %. В городе Минске почти 98 % учащихся обучаются на русском языке.

Одним из предметов, по которым проводится тестирование для поступления в вузы, является на выбор русский или белорусский языки. Как тенденция, наблюдается рост численности выпускников школ, которые на тестировании выбирают русский. Так, в 2011 году тесты по белорусскому языку выполняли 52 тыс. человек, по русскому — 94,5 тыс. Это свидетельствует о том, что для большинства школьников русский язык не только предмет изучения, но и средство обучения, то есть от уровня владения русским языком в определенной степени зависит успешность или неуспешность учебного процесса в целом.

Многолетняя история существования на одном географическом и социально-политическом пространстве русского и белорусского языков породила своеобразную языковую ситуацию, которая в лингвистической литературе определяется как двуязычие (или билингвизм). Большинство жителей Беларуси — это представители неравного билингвизма, когда знание русского языка преобладает над знанием белорусского, когда русский язык реально доминирует в таких сферах, как государственное управление, наука, высшая и средняя школа, делопроизводство, средства массовой информации.

Белорусский литературный язык используется в профессиональной среде педагогов-белорусистов, представителями художественной интеллигенции, национально ориентированных групп молодежи и является индикатором принадлежности к «белорусскости» [1, с. 37]. В политике сознательное использование белорусского языка стало политически маркированным и в ряде случаев воспринимается как опознавательный знак национальной оппозиции.

Функционирование русского языка в условиях русско-белорусского двуязычия, структурная и генетическая близость двух языков создают почву для их взаимопроникновения на всех уровнях, различного рода интерферентных процессов. Характер и интенсивность интерференции, которая выявляется как в белорусской, так и в русской речи жителей Беларуси, находится в прямой зависимости от образования, языковой среды, профессиональной ориентации и возраста говорящих. Близость языков порождает иллюзию абсолютной идентичности и приводит к смешению слов и форм в речи. В результате русский язык на территории Беларуси выступает в своей разновидности, региональном варианте, который в литературе иногда называют «нациолектом» [2, с. 295; 3, с. 48]. Влияние белорусского языка на русский (и наоборот) обнаруживается на всех языковых уровнях. Так, по аналогии с белорусской языковой нормой допускаются ошибочные для русского языка акцентологические формы *àрест*, *рèмень*, *дòдка*, *ненàвисть*, *осока*, *верба*. Под влиянием белорусского языка в русской речи можно услышать фрикативное [ʒ] (*год*, *гончар*), твердое [ч] (*чысты*, *читать*), употребление [дз'] вместо мягкого [д'] (*дзядзька*, *дзед*), твердое [р] вместо мягкого [р'] (*рытм*, *рысунок*) и др. В разговорной речи, а также в художественных и публицистических текстах часто наблюдаются белорусские лексические вкрапления.

Анализ результатов централизованного тестирования, курсовых и государственных экзаменов по русскому языку за последние пять лет свидетельствует о резком снижении уровня грамотности, речевой и гуманитарной культуры в целом. Ежегодные диктанты, проводимые в Белорусском государственном педагогическом университете им. Максима Танка для студентов 1-го курса всех специальностей, подтверждают этот факт. Неудовлетворительные отметки (от 1 до 3 баллов по десятибалльной системе) каждый год получало более 50 % студентов. Четверок и пятерок выставлялось чуть более 25 %, обладателями отметок «шесть», «семь» и «восемь» оказывались около 15 %. Девятки и десятки получали единицы. Причины низкой грамотности понятны всем:

а) студенты **не знают** орфографических норм, у них слабо развита оперативная память;

б) студенты **мало пишут**: эпистолярный жанр практически не используется, написание некогда популярных и, казалось, незаменимых писем заменили SMS-ки, сообщения по электронной почте, а также красивые поздравительные открытки с уже заготовленным текстом;

в) студенты **мало читают**, книги заменены электронными носителями;

г) студенты **мало говорят**: редко можно услышать красивую, интонационно выверенную, грамматически и логически правильную речь; из опыта известно, что студенты на занятиях стараются отмалчиваться, а преподавателю надо выуживать слова, четко характеризующие какое-либо явление, описывающие какие-либо события и факты, выражающие собственную точку зрения; такое «молчание» студентов не способствует выработке необходимых навыков устной речи;

д) есть и причины, не всегда зависящие от студента (школьника): несовершенство методики обучения языку; отсутствие новой методики, учитывающей современное (критическое) состояние русской речи; имеются случаи, когда в работе отдельных учителей преобладает схоластика, не используются способы и средства обучения, пробуждающие творческое воображение учащихся (к примеру, мнемонические, основанные на законах ассоциации).

«Есть только один путь заставить человека говорить грамотно — это научить его любить свой язык», — гласит народная мудрость. Но как научить человека грамотно и культурно говорить и писать, если образцовое владение языком не считается престижным и приоритетным, если предпочтение отдается иностранному языку, а в средствах массовой информации допускаются многочисленные ошибки?.. Сделать это, безусловно, сложно. Можно лишь указать на отдельные стороны этой большой проблемы, требующей специального обсуждения.

Во всех вузах должна находить понимание проблема важности высокого уровня речевой культуры выпускников, которым необходимо четко осознавать, что в их будущей работе будут нужны не только профессиональные знания. Современный специалист, претендующий на карьерный рост, должен владеть навыками и умениями речевой деятельности (применительно к сфере бытовой, общественной и профессиональной коммуникации), основами публичной речи, уметь корректно выражать и аргументированно обосновывать положения предметной области знаний, владеть формами деловой переписки и т. п.

Мотивация в школе не должна ограничиваться ближайшей целью — успешной сдачей централизованного тестирования и поступлением

в вуз. Школьникам, как и студентам, нужно приводить аргументы о том, что хорошее знание языка поможет им в становлении творческой, духовно богатой и преуспевающей личности, что культура речи поддерживает авторитет говорящего, делает возможным более эффективное воздействие на собеседника, способствует интеллектуальному и духовному развитию личности, достижению взаимного согласия, семейного счастья.

Важным условием для роста мотивации изучения языка является государственная политика, в которой могли бы найти отражение такие вопросы, как повышение престижа русского (а не иностранного) языка, использование пакета профессиональных требований к владению русским языком (например, для определенных должностей при приеме на работу, для работников СМИ и др.), применение штрафных санкций за грубое нарушение норм языка и др.

Список литературы

1. *Беспамятных Н.Н.* Белорусско-польско-литовское пограничье: специфика языковой ситуации // Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации : матер. Междунар. науч. конф., 22–23 ноября 2007 г. Гродно, 2007. Ч. 1.
2. *Норман Б.* Русский язык в Беларуси сегодня // Die Welt der Slaven. 2008. Bd. 53.
3. *Ровдо И.С.* Русский язык в Беларуси // Русский язык: система и функционирование : матер. Междунар. науч. конф. Минск, 2002. Ч. 1.

Дануте Балшайтите
(Вильнюс, Литва)

О СТАТУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА, О РЕФОРМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ОБ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ЛИТВЕ

*И*зменения в общественно-политической жизни, связанные с распадом СССР, новые волны русской эмиграции, образование новых независимых государств «с точки зрения личности носителя русского языка, где бы он ни жил... сопровождались активным переосмыслением прошлого, настоящего и будущего, поисками идентичности, выстраиванием новых социальных отношений внутри своей страны и за ее пределами» [10, с. 5]. Отголосками этого процесса стали «дискуссии о национальной идее для России, о русских, русскоязычных, русскоговорящих, россиянах, о самоопределении носителей русского языка в составе новых меньшинств, например в странах Балтии...» [10, с. 5].

Сложившаяся в Литве после распада Советского Союза новая языковая ситуация и проводимая государственная языковая политика активно обсуждались и обсуждаются представителями русской диаспоры, которым пришлось осознать свое изменившееся положение и новый статус русского языка в Литовском государстве. К сожалению, дискуссии, по своей риторике близкие к риторике войны («истребление сознания», «бомба замедленного действия», «эффект неразорвавшейся бомбы», «под предлогом интеграции уничтожить нравственно, духовно нацменьшинства» [4], «наступление на языковом фронте» [12], «в диалоге с властями нужна не выжидательная позиция, а насту-

пательная позиция» [13], «страны Балтии уничтожают русский язык» [14] и т. д. и т. п.), часто выражают негативное отношение к происходящему и призывают бороться за права национальных меньшинств, защищать и сохранять русский язык в Литве.

Принятый в 1995 году закон Литовской Республики «О государственном языке» устанавливает «употребление государственного языка в общественной жизни Литвы» (статья 1 Общих положений Закона) и гласит: «Государственным языком Литовской Республики является литовский язык» (статья 2 Общих положений Закона) [16]. В Законе не упоминаются языки (в том числе и русский) проживающих в Литве этноязыковых меньшинств, он «не регламентирует неофициального общения и языка религиозных общин и лиц, принадлежащих национальным общинам» (статья 1 Общих положений Закона) [16].

Статус русского языка законами о языке юридически не определен в 7 из 14 новых независимых государств – бывших республик СССР: в Азербайджане, Армении, Грузии, Казахстане, Литве, Туркмении, Узбекистане [15, с. 12].

Анализируя критерии демократичности законов о государственном языке, Н. Б. Мечковская отмечает, что «юридическое равенство может означать статус наибольшего благоприятствования для меньшинственного языка» [9, с. 123], «тогда как юридическое неравенство языков далеко не всегда приводит к дискриминации меньшинств» [9, с. 123].

Со времени принятия закона о государственных языках в Литве, Латвии и Эстонии прошло немало времени, однако в августе 2011 года в рамках региональной конференции российских соотечественников в Риге «Соблюдение прав нацменьшинств – необходимое условие становления демократии и интеграции общества в странах Балтии» был проведен круглый стол на тему «О правовом положении и правовом статусе русского языка в Латвии, Литве и Эстонии», во время работы которого вопрос о юридическом статусе русского языка в странах Балтии был поднят впервые. Среди многочисленных документов, подготовленных в результате конференции, – резолюция «О правовом положении и правовом статусе русского языка в странах Балтии», основным требованием которой является требование о повышении статуса русского языка в этих странах [14]. С тех пор об отсутствии юридического статуса у русского языка в Литве по поводу и без повода говорят и пишут довольно часто (см., напр., [13]).

Угроза сохранению русского языка и правам национальных меньшинств видится организаторам многочисленных заявлений, митингов

и акций протеста и в проводимой в Литве реформе образования, и в сокращении числа русских школ, и во введении единого экзамена по литовскому языку для выпускников средних школ.

Так, изменение Закона об образовании вызвало волну протеста уже на стадии разработки поправок к 30-й статье, принятых 17 марта 2011 года. Через год после их принятия (о преподавании в общеобразовательных школах национальных меньшинств тем, связанных с историей и географией Литвы, познания мира и основ гражданственности на литовском языке) 17 марта 2012 года в Вильнюсе у здания правительства состоялся митинг против реформы образования, организованный забастовочными комитетами польских школ. К митингующим присоединились и представители русских школ. «Лозунги, развевающиеся над протестующими, красноречиво говорили, что собравшиеся настроены весьма решительно по отношению к государственной власти» [5, с. 4–5]. Акции в защиту прав национальных меньшинств, акции протеста против поправок к Закону об образовании, резко негативные (нередко агрессивные) высказывания общественно-политических представителей нацменьшинств в печати и на митингах не только не способствуют консолидации общества, но и не имеют никакого отношения к расширению среды функционирования русского языка в современной Литве и как средства межкультурной коммуникации, и как языка сферы обслуживания, туризма и бизнеса.

По мнению Н. Б. Мечковской, причинами принятия в бывших союзных республиках законов о языке, признающих обязательным изучение государственного языка в общеобразовательных школах, являются «реакция на десятилетия русификации» и «тревога за судьбу, иногда за само существование национального языка». «Однако когда культуры и языки перейдут от состояния "самообороны" к "мирной жизни", — отмечает Б. Н. Мечковская, — законы о языке окажутся ближе к... общедемократическим принципам...» [9, с. 125].

В настоящее время в Литве наблюдается заметное повышение интереса к изучению русского [3; 4; 6–8]. Преподаватели русского языка Литвы отмечают, что в литовских и польских школах он лидирует среди языков, изучаемых в качестве второго иностранного, и что русский язык, не являющийся обязательным предметом, учащиеся выбирают осознанно [3].

Одним из решающих факторов повышения интереса к изучению русского языка в Литве в настоящее время является экономика: освоение новых рынков, развитие связей с восточными партнерами, увеличивающийся поток туристов из России и стран СНГ. Русский язык становится необходимым условием трудоустройства в сферах туризма

и обслуживания, работодатели отдают предпочтение работникам, которые им владеют [1; 7; 8]. Важным становится знание русского языка не только в секторе услуг, но и в крупном бизнесе: специалистам, занимающим руководящие позиции, он необходим для успешного выполнения функций, молодым сотрудникам — для карьерного роста [2; 11].

Проблема сохранения русского языка в Литве сегодня предстает несколько в ином ракурсе. Трудно представить, что потребность в нем можно регулировать правовыми государственными актами или, наоборот, протестами против государственной языковой и образовательной политики. Настало время, во-первых, изучить и описать региональные особенности русского языка в Литве, функционирующего в условиях иноязычного окружения, во-вторых — разработать систему методик преподавания русского языка как родного и русского языка как иностранного с учетом его специфических особенностей на территории Литвы.

Исключительно актуальным в настоящее время представляется проведение комплексных исследований состояния и динамики русского языка в Литве, основанных на четко разработанной единой методологии и системе верификации полученных результатов.

Данные системных исследований особенностей русского языка, функционирующего в окружении доминирующего литовского языка, результаты изучения языковой ситуации в Литве и в ее отдельных регионах необходимо учитывать при разработке стратегий обучения русскому языку. В сложившейся ситуации актуальной становится специальная подготовка преподавателей русского языка и литературы, для которых исключительно важны частичное обучение и стажировки в российских вузах. Для литовских студентов, изучающих русский язык, пребывание, пусть и кратковременное, в русской языковой среде является важным компонентом обучения.

Трудно не согласиться с замдекана исторического факультета МГУ А. Власовым, который считает необходимым «восстановление гуманитарного образовательного пространства» [13]. Это пространство в балтийском регионе уже создается благодаря совместным усилиям литовских и российских ученых-филологов. В качестве положительного примера можно привести реальное сотрудничество Вильнюсского университета и Балтийского федерального университета имени И. Канта: осуществляется обмен преподавателями, разрабатываются совместные научные проекты, организуются научные конференции. Изучающие русский язык студенты Вильнюсского университета принимают участие в работе летних школ, в олимпиадах по русскому языку, литературе и культуре, организуемых партнерским университетом.

Список литературы

1. *Афанасьева Г.* Я русский бы выучил, только какой? URL: <http://ru.DELFI.lt> (дата обращения: 05.04.12).
2. *В Литве* английский проигрывает русскому языку в деловой сфере. URL: <http://ru.DELFI.lt> (дата обращения: 01.02.12).
3. *В Литве* большинство учеников национальных школ, изучающих второй иностранный язык, выбирают русский. URL: http://www.gramota.ru/lenta/news/8_2073 (дата обращения: 19.03.12).
4. *Грихачева Н.* Истребление сознания. URL: <http://inosmi.ru/baltic/20101110/164153003.html> (дата обращения: 21.03.12).
5. *Грихачева Н., Фролова А., Иванов А.* Хорошие дети найдут силы защитить язык своих дедов и родителей // Литовский курьер. 2012. № 12 (891).
6. *Две* трети литовцев свободно владеют русским языком. URL: <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/news/common/news5920.html> (дата обращения: 22.03.12).
7. *За 10 лет* число учащихся в русских школах уменьшилось вдвое. URL: <http://ru.DELFI.lt> (дата обращения: 01.02.12).
8. *Исследование:* всего 5% жителей не знают русского языка. URL: <http://ru.DELFI.lt> (дата обращения: 01.04.12).
9. *Мечковская Н. Б.* Социальная лингвистика. М., 2000.
10. *Мустайоки А., Протасова Е.* Быть русским и говорить по-русски // Русскоязычный человек в иноязычном окружении. Slavica Helsingiensia 24. Хельсинки, 2004.
11. *ПБК:* наплыв туристов из России побуждает к изучению русского языка. URL: <http://tv.delfi.lt/video/nesek7pI/> (дата обращения: 22.03.12).
12. *Письменкова Е.* Литва вводит скрытый запрет на обучение на русском. Мы сохраним тебя, русская речь? // Экспресс неделя. 2008. 28 марта.
13. *Русские* Литвы просят помощи в сохранении образования на родном языке. URL: <http://www.ruvek.ru/?module=news&action=view&id=7518> (дата обращения: 24.03.12).
14. *Эксперты:* страны Балтии уничтожают русский язык. URL: <http://www.39.ru/neibsnews/3255-2011-08-22-20-16-32.html> (дата обращения: 22.04.12).
15. *Яценко Е. Б.* «Русский язык в СНГ» как результат кабинетных полевых исследований // Нужен ли русский язык новым независимым государствам? : материалы конференции. М., 2008.
16. *Lietuvos Respublikos valstybinės kalbos įstatymas.* URL: http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=170492 (дата обращения: 25.04.12).

Ирина Каримова
(Душанбе, Таджикистан)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
В ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

Современное общество значительно меняется: в условиях глобализации существенно возрастает и расширяется диалог культур, который усиливает взаимопонимание между народами, дает возможность лучше познать собственный национальный облик. Вместе с тем необходимо искать оптимальное соотношение между потребностью в формировании более тесных связей между народами, с одной стороны, и сохранением национальных особенностей, культурных традиций, особых взглядов на мир, то есть ментально-

сти и мировосприятия, — с другой. Мы понимаем, что нельзя искусственно замыкаться в национальных рамках, так же, как нельзя допустить, чтобы глобализация приобрела характер всеобщего распространения массовой культуры.

В контексте этих процессов ведущую роль играет язык. Язык, как сказал президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон, — это первый кирпич в здании государства. Президент Российской Федерации Владимир Путин назвал язык главной скрепой нации. Язык является неотделимым атрибутом нации, частью культуры, служит важнейшим средством жизнедеятельности как самой маленькой народно-

сти, так и любой великой нации, ведь обычаи нации отражаются в языке, и именно язык формирует ее. Есть язык — есть народ, нет языка — нет народа.

Особую важность в наши дни приобретает изучение социолингвистических и лингвокультурных процессов, происходящих в современной России, странах Содружества Независимых Государств и Балтии. В бывших союзных республиках назрела необходимость всемерной поддержки и полноценного развития наряду с языками титульных наций языка межнационального общения, языка великой русской культуры — русского языка.

Русский язык в Таджикистане — язык межнационального общения согласно Конституции Республики Таджикистан (Основного закона). Таджикский язык при этом наделен статусом единственного государственного, хотя прием документов в государственных учреждениях возможен на обоих языках. Ныне русский язык является первым и родным для относительно небольшой группы таджикстанцев (около 3%), но он по-прежнему широко распространен как второй язык среди населения всех национальностей республики: узбеков, киргизов и других. Русский язык также оказал заметное влияние на таджикский язык (в основном в области лексики), хотя процесс дерусификации Таджикистана усилился. «Коренизации» подверглись таджикские фамилии, названия населенных пунктов и т. д. После распада СССР сфера функционирования русского языка в бытовой сфере в республике заметно сузилась из-за массового оттока русскоязычных жителей. В Таджикской ССР оба языка — таджикский и русский — имели статус государственных. Знание русского — жизненная необходимость для экономических мигрантов из республики, большинство из которых — сельские таджики, направляющиеся на работу в Россию и Казахстан. Деловой сектор республики функционирует преимущественно на русском языке.

Первого октября 2009 года нижняя палата парламента, а 3 октября 2009 года верхняя палата парламента приняли новый Закон о государственном языке. В соответствии с ним обращаться в органы государственной власти можно будет только на государственном языке — таджикском; ранее такая возможность предусматривалась и на русском. Но Закон предусматривает, что «другим нациям и народностям, проживающим в стране, создаются условия для свободного выбора языка обучения».

При этом президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон отметил, что принятые документы регулирует только сферу таджикского языка, а русский имеет конституционно закрепленный статус —

язык межнационального общения. «И никто не собирается пересматривать его [этот статус]». Он назвал в корне неверными публикации в СМИ о том, что русский язык ущемляется в республике. «Государственная политика Таджикистана направлена на расширение и улучшение изучения и преподавания русского языка», — неоднократно отмечает Эмомали Рахмон. «Мы ясно отдаем себе отчет в том, что на протяжении десятков лет русский язык для нас был и остается окном в науку, средством общения с внешним миром, и растрата этого капитала была бы в ущерб себе».

Из вышеизложенного следует, что русский язык в суверенном Таджикистане является наиболее эффективным средством межнационального общения, приобщения народов республики к достижениям мировой цивилизации, доступа к научной информации.

Никак нельзя согласиться с мнением, что приоритетное функционирование одного (государственного) языка создает какие-то препятствия для развития других языков. Наоборот, в полиэтнических сообществах, к каковым принадлежит и современный Таджикистан, языки развиваются и взаимообогащаются. В истории развития таджикского государственного языка, языка титульной нации, русский как язык межнационального общения, язык передовой науки и техники сыграл позитивную роль. Можно привести массу примеров на этот счет. И последние 15 лет стало уделяться больше внимания вопросам внедрения государственного таджикского языка, реализации Закона о языке. Проблема развития таджикского языка как государственного и русского языка как языка межнационального общения — один из приоритетных направлений политики правительства Республики Таджикистан, что закреплено Конституцией страны и Законом о государственном языке.

Статья 7 «Закона Республики Таджикистан об образовании» гласит, что государство, гарантируя гражданам выбор языка обучения, обеспечивает получение общего образования на государственном языке, а в местах компактного проживания других наций — на родном языке, в пределах имеющихся возможностей системы образования.

Свобода выбора языка обучения в общеобразовательных учреждениях обеспечивается путем организации необходимого числа классов, групп и создания условий для их функционирования.

Во всех образовательных учреждениях обеспечивается изучение русского как языка межнационального общения и одного из иностранных языков как средства усвоения научно-культурного наследия человечества, современных научно-технических достижений, обеспечения профессиональной мобильности.

В настоящее время в Республике Таджикистан действуют четыре Центра русского языка на базе ведущих вузов республики, оснащенных при поддержке Российской Федерации и отвечающих национальным и государственным интересам двух дружественных стран, основной задачей которых является развитие взаимоотношений между Таджикистаном и Россией в сфере образования.

В рамках двухстороннего сотрудничества между Республикой Таджикистан и Россией в сфере образования в 2009 году был открыт Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в городе Душанбе и в 2010 году издан Указ президента Республики Таджикистан «О создании филиала Национального технологического университета "Московского института стали и сплавов" в городе Душанбе», официальное открытие которого состоялось 17 апреля, и «О создании филиала Московского энергетического института (Технический университет) в городе Душанбе».

Что касается новых учебников, то в ближайшей перспективе — разработка альтернативных учебников русского языка нового поколения, которые должны включать в себя интерактивные задания и упражнения, отражающие новейшие технологии обучения русскому языку.

Большую роль в популяризации русского языка и русской литературы в Таджикистане играет учебно-методический журнал Министерства образования Республики Таджикистан «Русский язык и литература в школах Таджикистана», который содержит полезный и интересный методический материал по преподаванию русского языка и литературы в школе и вузе.

Что касается состояния обучения русскому языку в школах Таджикистана, то как учебный предмет его начинают изучать со 2-го класса, и русский нельзя отнести к иностранным языкам хотя бы потому, что иностранные языки, как известно, изучаются по выбору самих учащихся, тогда как изучение русского обязательно в каждой школе, независимо от основного языка обучения (обучение на уровне среднего образования в Таджикистане осуществляется на пяти языках: таджикском, узбекском, русском, кыргызском и туркменском).

Отрадно, что роль русского языка в образовательной системе в последние годы значительно возросла. В целях улучшения качества преподавания русского языка в Республике Таджикистан разработан и утвержден «Образовательный стандарт по русскому языку для средних школ», а также Программа по русскому языку.

Укреплению позиций русского языка в сфере образования во многом способствует стратегическое партнерство и плодотворное сотруд-

ничество Таджикистана с Российской Федерацией. Растет число учащихся, направляемых на обучение по различным специальностям в вузы Российской Федерации, – ежегодно это более 1000 квот. Важно отметить, что предоставление квот гражданам Таджикистана для обучения в российских вузах осуществляется с ежегодным увеличением в 1,5 раза. Общая численность таджикских граждан, обучающихся в настоящее время в вузах России и по другим направлениям, составляет более 6 тысяч человек.

Диссертационные советы, действующие на территории Таджикистана, утверждаются ВАКом Министерства образования и науки РФ. При Академии образования успешно функционирует диссертационный совет по методике преподавания русского и таджикского языков.

Результатом активного экономического и культурного сотрудничества между Россией и Таджикистаном стало то, что в последнее время интерес коренного населения к русскому языку и русской культуре значительно возрос. Благодаря инициативе российского посольства в Таджикистане таджикский телеканал «Сафина» стал шире отражать ценности традиционной и современной культуры Таджикистана и России, всячески способствовать формированию позитивного имиджа трудовых мигрантов, шире информировать российскую общественность о деятельности таджикской диаспоры в России.

Большая роль в популяризации русского языка принадлежит представительству Россотрудничества в Республике Таджикистан. Это разнообразные мероприятия, посвященные знаменательным датам, незабываемые встречи, проводимые совместные вебинары с учеными Российской академии образования, а Центр науки и культуры всегда полон поклонниками русской культуры.

Все это вносит свой посильный вклад в развитие российско-таджикского сотрудничества, в поддержку позиций русского языка в современном Таджикистане, а также в развитие дружбы между народами России и Таджикистана.

*Маханбет Джусупов
(Ташкент, Узбекистан)*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СТАТУС ИНОФОННОГО ЯЗЫКА В ТЮРКСКОМ МИРЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Язык может обладать одновременно двумя статусами — официальным и образовательным (например, русский язык в России) [3]. Определение как официального статуса языка (государственный, официальный, рабочий), так и образовательного зависит от социолингвистической ситуации, языковой политики в государстве, в регионе. В инофонных условиях язык также может обладать *двумя статусами — официальным и образовательным (что встречается исключительно редко) или же одним статусом — образовательным (что встречается очень часто)*.

Гарантом сохранения, развития и распространения инофонного языка (в нашем случае — русского) за пределами России является не официальный его статус, а образовательный. Образовательный статус русского языка в каждом тюркоязычном государстве имеет особенности, которые охватывают как качественные, так и количественные (статистические) характеристики его функционирования в системе образования.

Проанализируем сходства и различия статусов русского языка как неродного в России и русского языка как неродного за ее пределами.

Сходства связаны прежде всего с тем, что в обоих случаях русский язык рассматривается как неродной, т.е. как язык, статические и динамические свойства которого можно сформировать в сознании ино-

фона в виде психообразов и их комбинаций. Различия же прежде всего связаны с тем, что русский язык как неродной преподается как внутри России, так и за ее рубежами. Во втором случае наличествует много лингвистических и экстралингвистических обстоятельств, обуславливающих специфику обучения русскому и его восприятия, при обязательном сохранении главного содержания методики преподавания русского языка как неродного.

Сходство образовательных статусов русского языка как неродного в самой России и за ее пределами заключаются в следующем.

1. Русский язык преподается (изучается) в нерусской (инофонной) аудитории. Например, в татарской, башкирской, с одной стороны, и в казахской, узбекской – с другой.

2. Русский язык для учащихся-инофонов не является иностранным, так как в пределах соответствующих государственных образований он функционирует во всех пяти основных социальных сферах деятельности индивида и общества в целом: в быту, в официально-деловых отношениях, в СМИ, в научной и художественной деятельности.

3. Русский язык как неродной преподается в условиях существования естественного билингвизма и даже полилингвизма: а) татарско-русский, башкирско-русский, башкирско-татарско-русский; б) казахско-русский, узбекско-русский, казахско-узбекско-русский, узбекско-таджикско-русский и т.д. Обучающиеся в той или иной степени уже являются носителями названных разновидностей билингвизма или полилингвизма.

4. Необходимо применение методики обучения русскому языку как неродному, а не как иностранному (то есть русский язык преподается не как язык государства и народа дальнего зарубежья, а как язык государства и народа, который с родным языком находится в состоянии близкого и долговременного взаимодействия и взаимовлияния). Межкультурную коммуникацию в этом случае необходимо углублять и расширять через систему обучения русскому языку как неродному.

Различия образовательных статусов русского языка как неродного в самой России и за ее пределами заключаются в следующем:

1. «Русский язык как неродной в России» – это статус образовательной системы России, т.е. внутрироссийский образовательный статус.

2. «Русский язык как неродной за пределами России», в основном в странах СНГ, – это международный образовательный статус русского языка, что накладывает своеобразный динамический отпечаток на содержание, объем, цель и задачи обучения ему как неродному в Казахстане, Узбекистане или Армении.

3. Билингвизм и полилингвизм, функционирующие в условиях преподавания русского языка как неродного в России и за ее пределами, имеют отличия как по происхождению, так и по объему распространности.

Так, билингвизм с участием русского языка, сопровождающий его преподавание как неродного, в России (например, в Татарстане) формируется прежде всего за счет того, что русский — государственный язык РФ, что предполагает обязательное владение им всеми гражданами России. Этот инофонно-русский билингвизм.

Билингвизм с участием русского языка в странах СНГ, который сопровождает процесс обучения русскому языку как неродному, является «необязательным», так как русский язык в этих государствах, как правило, не имеет статуса государственного или официального. Поэтому билингвизм с участием русского языка, который существует и/или формируется в странах СНГ, «добровольный» и создается в основном за счет обучения русскому как неродному. Этот билингвизм также может быть определен как инофонно-русский.

В отличие от России в странах СНГ обучение русскому языку как неродному может сопровождаться билингвизмом и даже полилингвизмом без участия русского языка: казахско-узбекский, узбекско-казахский, узбекско-таджикский, таджикско-узбекский, казахско-каракалпакско-узбекский, узбекско-каракалпакско-казахский.

Функционирование би- и полилингвизма в национальных республиках России и особенно в странах СНГ ставит перед методикой преподавания русского как неродного и такую серьезную проблему, как учет лингвокультурных особенностей каждого языка. В тех случаях когда функционирует билингвизм без участия русского языка, а следовательно, его внедрение уже будет формировать полилингвизм, то модели «один мост и две национальные лингвокультуремы» и «два моста и три национальные лингвокультуремы» приобретают новое общее лингвотипологическое, лингвокультурологическое, лингводидактическое и методическое значение, которое должно учитываться в процессе обучения русскому языку как неродному в странах СНГ.

4. Объем функционирования русского языка в основных социальных сферах деятельности индивида и общества в условиях, когда он преподается как неродной в России и за ее пределами (в основном в странах СНГ), неодинаков. Так, например, даже внутри России функционирование русского языка в Москве или в Санкт-Петербурге, с одной стороны, и в Татарстане или в Башкортостане — с другой, имеет различия. Объясняется это тем, что в Татарстане или в Башкортостане наряду с русским как государственным языком РФ функционирует и

государственный язык республики (татарский, башкирский и т.д.), что создает свои (несколько иные) лингвистические и экстралингвистические особенности, которые должны учитываться при преподавании русского языка как неродного в соответствующих республиках России.

Функционирование же русского языка в странах СНГ имеет свою специфику, которая прежде всего связана с тем, что, например, в Узбекистане или в Туркменистане он не обладает статусом государственного или же официального, но при этом имеет образовательный статус, т.е. русский язык выступает обязательной общеобразовательной дисциплиной школьного и вузовского образования. Таким образом, в республиках Центральной Азии, в отличие от РФ, государственными языками являются казахский, узбекский, туркменский, киргизский, таджикский. Это обстоятельство накладывает серьезный отпечаток на систему обучения русскому языку как неродному в данном регионе.

Итак, главные отличия методики преподавания русского языка как неродного в России и в странах СНГ диктуются следующими социолингвистическими обстоятельствами: в России русский язык имеет два статуса: государственный язык РФ и обязательная школьная и вузовская дисциплина изучения. В странах СНГ русский язык имеет международный образовательный статус: является обязательной общеобразовательной школьной и вузовской дисциплиной. Именно эти различия и создают те лингвистические и экстралингвистические реалии, которые необходимо учитывать в процессе преподавания русского языка как неродного в России и за ее пределами.

Международный образовательный статус русского языка («русский язык как неродной за пределами России») — непостоянная категория: если русский в странах СНГ (или в одной из стран СНГ) не будет преподаваться как обязательная школьная и вузовская дисциплина, то на этом географическом пространстве, в этом конкретном государстве его международный образовательный статус как неродного исчезнет. Тогда в странах СНГ статус русского языка как неродного может слиться со статусом русского языка как иностранного за пределами России. В этом случае русский становится дисциплиной изучения по выбору, что может привести к резкому сужению его социальных функций в странах СНГ.

С другой стороны, международный образовательный статус «русский язык как неродной за пределами России» мог бы социолингвистически, лингводидактически и методически все больше и больше сближаться с внутрироссийским образовательным статусом «русский

язык как неродной в России». Полное совмещение этих статусов невозможно, так как государства Центральной Азии постсоветского пространства – это самостоятельные республики, каждая из которых характеризуется внутренними и внешними политическими особенностями.

Изменение типа образовательного статуса в методике преподавания русского языка как неродного в СНГ как в сторону слияния с разновидностями статусов русского языка как иностранного (что произошло в странах Балтии), так и в сторону сближения со статусом «русский язык как неродной в России» полностью зависит от содержания языковой, образовательной, национальной и интернациональной политики государств, в которых в настоящее время русский язык преподается как неродной и является обязательным предметом школьного и вузовского образования.

Список литературы

1. *Алефиренко Н. Ф.* Интерлингвистические теории. Социолингвистика // Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. М., 2005.
2. *Алпатов В. М.* 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000.
3. *Джусупов М.* Социолингвистика, лингводидактика, методика (взаимосвязь и взаимообусловленность) // Русский язык за рубежом. М., 2012. № 1.
4. *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика. Теория, проблемы, метод. М., 1976.

Наи́ра Да́шян
(Ереван, Армения)

СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА В АРМЕНИИ

Русский язык — один из наиболее развитых языков, сегодня он «относится к числу двадцати выделяемых ЮНЕСКО мировых языков и занимает четвертое место в мире по своей распространенности» [5, с. 58]. Русский язык, так же, как и русская культура в целом, давно уже приобрел особое значение в жизни армянского народа. На протяжении более 70 лет существования Армении в составе Советского Союза сложилась уникальная билингвальная среда, столь нехарактерная для мононационального населения (90 % на-

селения страны — армяне). В процентном соотношении количество координативных билингов, равноценно владеющих армянским и русским языками, составляло практически половину населения республики. Большая его часть являлась субординативными билингвами. Нередки были ситуации, когда доминантным оказывался русский язык. И все это благодаря и соответствующей языковой политике, и хорошо разработанной в нашей республике методической базе преподавания русского языка в средней и высшей школах, и благодаря наличию в Армении достаточного количества высококвалифицированных специалистов-русистов.

После распада СССР Армения стала независимой республикой и русский язык из второго родного перешел в разряд иностранных. Это положение закреплено в Конституции страны. Были закрыты русские школы, русские отделения в вузах. Обучение велось исключительно на армянском языке. И за последние 20 лет в Армении сформировалась новая социолингвистическая ситуация. Одним из ее показателей

стало заметное снижение уровня владения русским языком. Это привело к «катастрофическому падению качественных характеристик образования, массовому оттоку высококвалифицированных кадров, общему снижению грамотности молодого поколения» [2, с. 57].

В 1999 году была принята концепция «Русский язык в системе образования и общественно-культурной жизни Республики Армения», которая предусматривала выработку государственных образовательных критериев для изучения русского языка, функционирование школ с углубленным изучением русского языка и курсов повышения квалификации учителей, создание условий для продолжения обучения на русском языке в магистратуре, аспирантуре в вузах не только Армении, но и России.

В связи с изменением языковой ситуации в республике сократилось и количество билингвов, что ставит перед русистами Армении новые задачи. В круг вопросов, которые им предстоит решить, входит широкий спектр проблем — от культурологических до методических. Основной задачей является разработка «эффективной образовательной методологии, направленной на способы и методы обучения языку через проникновение в ценности российской культуры, с одной стороны, и с другой — постижение национальной культуры средствами русского языка, ибо суть национальной самобытности в ее лингвистических и металингвистических измерениях» [6, с. 629].

Современный армянско-русский билингвизм продиктован не государственным требованием, а потребностью. Владение русским языком необходимо специалистам разных направлений, поскольку возобновляются экономические, политические, культурные и научные связи с Россией. Сегодня Армения находится на пути к интеграции в европейское культурно-образовательное пространство. Система билингвального образования, то есть параллельного обучения в единой концепции двум языкам и двум культурам, выражает стремление к межкультурной коммуникации, к диалогу культур. На данный момент в республике действуют 60 школ с углубленным изучением русского языка, билингвальные классы и школы, в которых обучение ведется параллельно на русском и армянском языках, открылись факультеты русского языка в вузах, издаются газеты и журналы на русском. С 1999 года выходит журнал «Русский язык в Армении».

Формированию специалистов, отвечающих современным требованиям и хорошо владеющих как родным, так и русским языкам, в большой степени способствовал основанный в 1997 году в Ереване Российско-Армянский (Славянский) университет, в котором обучение ведется на русском языке. Русистами Российско-Армянского университета разработана отвечающая современным требованиям Программа по русскому языку, в которой предусмотрены разные формы, виды

и методы работ: лекции известных ученых-русистов с последующим обсуждением; научные доклады по актуальным проблемам исследования русского языка и культуры; круглые столы с участием авторов учебников по русскому языку и культуре речи и авторов тестовых материалов; мастер-классы и т. д. [6, с. 630]. Именно в Российско-Армянском университете ежегодно проводятся международные конференции по теории и методике преподавания русского языка, школьные и студенческие олимпиады по русскому языку.

За последние годы в странах СНГ, в том числе и в Армении, основными направлениями образовательной политики становятся развитие многоязычия и овладение навыками межкультурной коммуникации. Массовый характер приобрело изучение второго иностранного языка в средней общеобразовательной школе. В Армении в некоторых школах предпринимаются попытки обучения двум-трем иностранным языкам. В условиях билингвизма и мультилингвизма изменяется цель обучения иностранным языкам.

Идея принятия системы билингвального обучения – важнейшая составляющая поликультурного образования. Билингвальное обучение понимается нами как «целенаправленный процесс приобщения к мировой культуре средствами родного и русского языков, когда русский язык выступает в качестве способа постижения знаний, усвоения культурно-исторического опыта различных стран и народов» [3, с. 57]. Идеи поликультурного воспитания позволяют по-новому взглянуть на культурно-педагогическую роль обучения русскому языку, который, безусловно, остается универсальным средством культурного диалога. Рассмотрение культуры как одного из объектов содержания билингвального обучения базируется на общепринятом в настоящее время утверждении о том, что знание лишь единиц языка и способов их функционирования в речи явно недостаточно для владения им как средством общения. В условиях направленности учебного процесса (как школьного, так и вузовского) на воспитание поликультурной личности подобные начинания могут только приветствоваться. Однако к этим вопросам нужно подходить осторожно, методически грамотно и корректно.

Анализ результатов обучения нескольким иностранным языкам показал, что наивысший результат уровня владения обнаруживается при изучении первого по хронологии освоения иностранного языка. Таким языком в Армении является русский. В нашей республике «фактически отсутствует опыт обучения многоязычию. И это объективная данность» [4, с. 121]. Проблема формирования взаимодействия двух-трех языков в процессе многоязычия – одна из актуальных для разработки соответствующей эффективной методики обучения нескольким иностранным языкам одновременно. В процессе обучения

двум-трем иностранным языкам одновременно очень важно учесть специфику естественного многоязычия, а один из изучаемых языков обязательно должен стать доминантным. Таким языком в нашей республике, исходя из многих причин, должен стать русский, так как в настоящее время в основном жители Армении – субординативные билингвы, владеющие русским языком на уровне разговорной речи. Исследования многоязычия основываются на концепциях когнитивного подхода, который предполагает, что овладение языком происходит в естественных ситуациях общения, без целенаправленного обучения. При таком подходе подразумевается, что многоязычие формируется благодаря большой речевой практике. На данный момент в Армении серьезную речевую практику может дать только русский язык.

Реальный статус русского языка в Армении гораздо выше его правового статуса. Не претендуя стать государственным, он объективно продолжает находиться выше статуса иностранного языка, выступает в Армении в качестве языка межнационального общения и межкультурной коммуникации. Об этом говорят и цифры: сегодня русские составляют приблизительно 1 % населения Армении, число же владеющих русским языком – примерно 70 % (данные МИД РФ) [5, с. 6]. Поэтому билингвальному обучению в республике следует развиваться и дальше, «двуязычие должно быть генеральной линией языковой политики» [1, с. 4].

Называя двуязычие «знамением современного мира», армянские специалисты считают «возможным сохранение и дальнейшее развитие армяно-русского билингвизма», а функционирование русского языка в Армении – «исторически оправданным и прогрессивным» [1, с. 3].

Список литературы

1. Арутюнян А. Ж., Саркисян И. Р. Перспективы развития в РА армяно-русского двуязычия // Русский язык в Армении. 2002. № 2.
2. Габузян К. С. Русский язык как фактор политики на постсоветском пространстве // Материалы Международной научно-практической конференции преподавателей русского языка Армении, России, стран СНГ и Балтии. Ереван, 2010.
3. Григорян В. А. К вопросу реализации идей поликультурного обучения и воспитания // Современные программы и методики преподавания русского языка. Ереван, 2012.
4. Саркисян И. Р. Сопоставительная типология как лингвистическая основа развития мультилингводидактики // Вестник Университета им. М. Маштоца. 2009. № 2.
5. Халеева И. И. Языковой портфель шагает по Европе // Дипломат. 2003. № 7 (111).
6. Хачикян А. Я. Роль культуроведческого аспекта при обучении русскому языку // IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М., 2010.

*Игорь Калакаускас
(Таллин, Эстония)*

РУССКАЯ ШКОЛА В ЭСТОНИИ: ЕСТЬ ЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ЕЕ СОХРАНИТЬ?

Прежде чем ответить на вопрос заголовка, придется внести некоторую ясность. Из 143 тысяч учеников общеобразовательных школ Эстонии (данные 2011/12 учебного года) около трети считают своим родным языком русский (либо вторым родным). Однако далеко не все из них получают среднее образование в школах с русским языком обучения (по разным оценкам, около 15 % школьников-неэстонцев учатся в учебных заведениях, где язык обучения исключительно эстонский; статистическая неточность объяс-

няется тем, что многие из названной категории не могут отнести себя только к родной языковой группе, поскольку живут в смешанных по языку семьях).

Школы с русским языком обучения (их количество не даст полноты картины, поскольку число учеников в них разное: в Эстонии очень много малокомплектных школ, где учатся менее 200 человек, однако в большинстве этих школ основным языком обучения является эстонский) находятся в Таллине, Йыхви, Силламяэ, Нарве, Тарту и Пярну. Но поскольку в этих школах широко распространилась практика создания классов «языкового погружения», то назвать их исключительно русскими было бы не совсем корректно.

Согласно Закону о школе, в Эстонии нет «русских школ», все школы — эстонские. Есть «школы с русским языком обучения». На основной ступени (1 — 9-й класс) ввести неэстонский язык обучения можно с разрешения муниципалитетов (что пока и происходит на практи-

ке). В гимназической ступени (10–12-й класс) аналогичное разрешение дает правительство, однако закон никак не регулирует норму, позволяющую или не позволяющую такое разрешение выдать. На сегодняшний день преподавать в гимназии на негосударственном (то есть не на эстонском) языке позволено только одной гимназии Эстонии – Немецкой. Выдавая такое разрешение, правительство объясняло его наличием межгосударственных договоренностей между Эстонской Республикой и Федеративной Республикой Германией. Никаких договоренностей по аналогичному вопросу между Эстонией и Россией пока не существует.

Поскольку названный выше закон определил, что в гимназиях основным языком обучения может быть только эстонский (если не существует разрешений правительства по иному языку обучения), то формально гимназий с русским языком обучения в республике уже не осталось. Здесь следует заметить, что с юридической точки зрения (исходя из эстонского законодательства), если не менее 60 % курсов (35-часовых циклов) ведется в учебном заведении на государственном языке, то оно считается заведением с эстонским языком обучения.

Итак, чисто теоретически на сегодняшний день основной язык обучения гимназий Эстонии – эстонский. На практике же ситуация выглядит несколько иным образом. Если не считать небольшое количество школ, где в одном здании учатся как эстонцы, так и неэстонцы, то следует признать, что гимназическое образование для эстонцев и неэстонцев имеет качественные отличия. Чиновники Министерства образования открыто заявляют, что обучение на русском языке неконкурентоспособно, однако никто из них не пытается вникнуть в то, насколько качественным является обучение на эстонском для тех, чей родной язык русский: никаких независимых исследований по этому вопросу до сих пор не проводилось. Здесь непременно стоит отметить, что формально нет никаких препятствий для поступления в гимназию даже тем, кто не смог сдать эстонский язык по окончании основной школы на категорию В1 (для сдачи экзамена достаточно 20 баллов; для получения категории – не менее 60).

В ряде регионов для повышения мотивации педагогов школ с русским языком обучения к их окладам прибавляется 30 %, если они ведут свой предмет на эстонском языке. Никаких особых требований по качеству даваемых ими знаний к данной категории педагогов не предъявляется, кроме того, что они должны сами знать эстонский язык на категорию не ниже С1. Однако нередки случаи, когда эти требования остаются лишь на бумаге.

В такой непростой политической обстановке русской общине приходится искать ответ на вопрос, есть ли смысл сохранять образование на русском языке в принципе. Важнейшим фактором в этой дилемме можно считать отсутствие диалога между Министерством образования и представителями русской общины. Созданный в 2010 году Совет объединения «Русская школа Эстонии» (РШЭ) взял на себя инициативу решить вопрос конституционным способом. Однако деятельность РШЭ больше напоминает конфронтацию — причем как с Министерством образования, так и с отдельными представителями русской общины. Можно утверждать, что на уровне государства ситуация застыла в некоей неопределенности, когда ни одна из сторон не хочет слушать оппонентов. Чиновники осознают, что в русских гимназиях качество преподавания на эстонском языке находится в целом на неудовлетворительном уровне, но ссылаются на необходимость выполнять требования закона. Руководители заметного числа русских школ тщательно скрывают истинное положение с преподаванием на эстонском языке, чтобы не навлечь на себя гнев чиновников (поскольку именно школа, согласно закону, должна обеспечить качественное образование). Родители большинства учеников начинают искать альтернативу в виде найма репетиторов, определения на курсы или даже перевода своих детей в эстоноязычную школу. Сами ученики зачастую являются заложниками сложившейся ситуации и предпочитают плыть по течению.

В свете всего вышесказанного нетрудно понять, почему сохранением русскоязычного школьного образования в Эстонии никто всерьез не занимается. Педагогические вузы республики прекратили готовить специалистов для иноязычных школ практически сразу после обретения независимости от СССР. Те выпускники, что смогли выучиться на педагогов-предметников на эстонском языке, зачастую не владеют русскоязычной терминологией по своему предмету (в чем призналась некоторое время назад ректор Нарвского колледжа Тартуского университета Катри Райк). Если добавить, что педагогические кадры Эстонии стремительно стареют (это касается всех школ): средний возраст учителей — около 54 лет, то становится совершенно непонятной перспектива в целом.

Что можно было бы сделать для сохранения в Эстонии школ с русским языком обучения? Самым главным мне видится начало конструктивного сотрудничества с Россией. В первую очередь, для повышения квалификации эстонских педагогов, работающих в русских школах. Главным препятствием здесь является не столько отсутствие политической воли, сколько значительное несовпадение учебных про-

грамм: у Эстонии и России принципиально разные требования к школьному образованию, к содержанию обучения. В идеале сотрудничество могло бы вылиться в создание в Таллине (либо, если смотреть шире, в одной из прибалтийской столиц) филиала московского педагогического вуза.

Таллин и Нарва рассматривают вопрос о создании частных русскоязычных гимназий. Закон это позволяет делать на базе муниципальных школ. Первые попытки совершить все юридические формальности уже предприняты, однако в Министерстве образования уже успели отреагировать на такую инициативу негативно. Русскоязычное население (в первую очередь, родители) крайне настороженно относятся к этой затее, поскольку всерьез обеспокоены тем, что выпускники таких гимназий не получат доступа к продолжению образования в вузах. Эти опасения базируются в основном на распространенном и навязанном государством мнении, что образование на русском языке — неконкурентоспособно. В эстоноязычной медиа-среде стремление неэстонцев сохранить русскоязычное образование чаще всего преподносится как нежелание русских учить государственный язык.

Следовательно, вопрос сохранения русской школы становится глубоко внутренним делом Эстонии. Его можно решить только в результате конструктивного диалога. Ресурс России есть смысл использовать после того, как будет достигнуто принципиальное соглашение о формате существования школ. Если учесть, что сейчас Эстония стоит на пороге реструктуризации школьной сети (фактического отделения основных школ от гимназий), то в известном смысле созрел момент, когда существует возможность прийти к какому-то политическому и административному решению. Однако это может произойти только при активном вовлечении в процесс русской общины.

*Лариса Гнеушева
(Клайпеда, Литва)*

РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛАХ КЛАЙПЕДЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПОБЕДЫ

Актуальность темы международной конференции неоспорима, особенно для тех, кто волею судеб оказался за пределами исторической Родины — России. Тема России и русского языка отличается особой популярностью в странах Балтии. Не говорит о русских только ленивый. Говорят и русскоязычные, и представители титульной нации. И те и другие — не всегда так, как хотелось бы слышать мне, учителю русского языка. Зайдя на один из сайтов, где на подобную тему шла дискуссия, я прочитала следующее:

«Навряд ли я заговорю по-русски как вам бы этого хотелось, — писал литовец, — но то, что русские уже говорят с акцентом, — это факт». Самое страшное, что это на самом деле факт. Несколько лет назад учителя-русисты Клайпеды были в Буживале у Тургенева, общались с русскими, третье поколение которых живет во Франции. Акцента не услышали — речь была правильной, исключительно богатой, родной... Она была такой, потому что эти люди хотели остаться русскими и остались ими...

Как бы сегодня ни относились друг к другу Россия и страны Балтии, как бы ни велика была политическая пропасть между ними, их связывает как минимум одно общее — русские, проживающие на территории этих стран...

Невольно задаю себе вопросы: А можем ли мы быть наследниками русских духовных традиций? А смогут ли наши дети перенять эту миссию? Думаю, что разрешение этих вопросов во многом зависит не

только от нас, учителей русскоязычных школ, но и от поддержки и участия в нашей жизни тех, кому не безразлична судьба русского человека, силою обстоятельств живущего вдали от исторической родины.

Сейчас в Литве политика властей направлена скорее на интеграцию русскоязычного населения, чем на вытеснение его из страны. Моя коллега, татарка по национальности, но «русская душою», неплохо говорящая по-литовски, отдала свою дочку, а потом и внучку в литовскую школу ради этой самой «интеграции» и, придя недавно с родительского собрания своей внучки, которая учится в 4-м классе, услышала буквально следующее: «Ты больше к нам в школу не ходи, не говори по-литовски, ты говоришь плохо, с акцентом, все подумают, что ты и я русские! А я этого не хочу!»

Министерство образования и местные власти осуществляют так называемую «оптимизацию сети школ». Практически в нашем городе исчезли средние школы, где ребенок проходил весь цикл обучения: с 1-го по 12-й класс. Сегодня в Клайпедe семь русских школ: две гимназии, одна прогимназия и четыре основных школы. Русская школа в Литве в настоящее время переживает нелегкие времена в связи с реформой системы образования, суть которой, во-первых, в увеличении часов на преподавание литовского языка, что должно в 2013 году привести русскоговорящих учащихся-выпускников к сдаче обязательного экзамена по литовскому языку на тех же основаниях, что и литовцы, во-вторых, в преподавании в русскоязычной школе истории Литвы, географии, «Основ гражданственности» и такого предмета, как «Познание мира» (о котором имеют смутное представление как сами реформаторы, так и учителя с учениками), на литовском языке. Кроме того, за 4 часа в неделю в 9-м классе надо будет пройти программу по русской литературе, начиная от «Слова о полку Игореве» и заканчивая Гоголем, да еще синтаксис простого предложения и все виды обособлений... Или за те же 4 часа в 11-м классе необходимо будет освоить курс зарубежной литературы, обзорные темы по русской литературе и персоналии Тургенева, Гончарова, Некрасова, Достоевского, Толстого, Чехова...

Русская литература превратилась в чтение и анализ «текстов», не романов, не повестей, не рассказов, а «текстов»... Читать произведение? Зачем? Что-то прочитает учитель, что-то покажут презентации, без которых сегодня никуда. Поэтому часто вместо, допустим, романа «Отцы и дети» ученики читают его краткое содержание, воспринимая книгу как источник определенной информации, а не как произведение искусства слова. К тому же проверка знаний сейчас в основном идет методом тестирования.

Часто на уроке учитель русского языка становится историком, географом, потому что изучая Пушкина надо рассказать и о войне 1812 года, и о декабристах, и о местах ссылок поэта, и о многом другом... Историю России в школах Литвы не проходят, разве что факультативно.

Уровень преподавания любого предмета дети выбирают сами. Многие из них планируют уехать учиться в Европу... Зачем же изучать русский?..

Вы скажете, что у учителей-русистов России и Литвы одни и те же проблемы... Что же делать? Что делать, когда экзамен по русскому языку в 10-м классе относится к испытаниям по выбору и в этом году его сдают в нашей гимназии два человека? Кстати, об экзаменах. Этим летом экзамены по русскому языку – родному и иностранному – будут сдавать заметно меньше учащихся школ Литвы, чем в прошлом году. Ученики польских школ экзамен по родному языку сдают намного активнее. (Надо отдать должное польским школам, которые «сражаются» и за свой язык, и за свою культуру, чувствуя огромную поддержку Польского государства).

Так, согласно предоставленным данным, экзамен по русскому языку как родному в этом году будут сдавать 720 учащихся, а в прошлом году таких насчитывалось 905. Что касается учеников польских школ, то экзамен по польскому языку в этом году будут сдавать 1270 учащихся, в прошлом – 1370.

Та же тенденция наблюдается и в литовских школах, где экзамен по русскому языку (он не является обязательным) в этом году будут сдавать 3070 учеников, тогда как в прошлом таких было больше – 3200. Возможно, данная тенденция связана с демографическими изменениями: общее число учащихся в школах Литвы сокращается. Например, в этом году выпускные экзамены на получение аттестата зрелости будут сдавать 44 850 учеников против 49 600 в 2011 году.

«Интересно, что в школах с литовским языком обучения 80 % учеников выбирают русский язык, но это не популярность, как можно подумать, это отсутствие преподавателей по другим иностранным языкам», – считает профессор Вильнюсского университета Дайва Шешкаускайте. А вот здесь можно с ней и поспорить, так как выбор русского языка базируется и на достаточно широком его употреблении, и на том, что сегодня многие крупные фирмы требуют от соискателей знание не только английского, но и русского – с бизнесом не поспоришь...

Статистика статистикой, но за каждой цифрой стоит ребенок, который должен не только многому научиться, но и стать Человеком.

Добрый человеком, с чувством собственного достоинства, благородным, честным, умным, потому что, как заметил Никита Михалков, сегодня это дети, а завтра — народ. За спиной каждого русского — великая история, великая культура, и мы должны чувствовать свою миссию и ответственность перед будущим. В этом, наверное, и состоит главная задача любого учителя.

В Клайпедe еще в лихие 1990-е по инициативе учителей русского языка была организована ассоциация «ВЕДИ». Ее создание было поддержано Отделом просвещения города и городским Методическим центром. Ассоциация объединила всех учителей русского языка как литовских, так и русских школ. Мы поставили перед собой вопрос: что же делать учителю, чтобы стать достойным представителем своего народа, чтобы «божественный глагол до слуха чуткого коснулся»? Вопрос требует ответа... и ответом стала наша деятельность.

Ассоциации уже 16 лет. Ее главная задача — «сохранить русскую речь — великое русское слово» в душе каждого ребенка. Деятельность ассоциации многогранна, она направлена не только на школу. Мы сотрудничаем с общественными организациями, партией «Русский альянс», генеральным консульством РФ. Ежегодно в городе проводятся научно-методические конференции, на которые приглашаются представители высшей школы Вильнюса, Шяуляя, Клайпеды, ежегодно проводятся городские олимпиады для учеников 5–11-х классов, акция «Грамотный диктант», конкурсы выразительного чтения. В рамках Рублевских чтений, проводимых в городе совместно с православной церковью, нам удалось услышать известных ученых-филологов из ближнего и дальнего зарубежья.

Бывали у нас в Клайпедe и гости из Калининграда, например В. А. Морар, Л. Г. Дорофеева, Т. В. Цвигун и многие другие. В этом году в рамках международного проекта, инициированного «ВЕДИ» и научно-образовательным центром «Русская Балтика» БФУ им. И. Канта, состоялся красивый литературный праздник «Поэзии чарующие звуки», участие в котором приняли более сорока учеников 5–12-х классов всех школ города Клайпеды.

Каждый год на сцене городского музыкального театра проходят театрализованные спектакли, в которых участвуют дети всех школ города, на сцене порой бывает более ста участников («Пушкинский бал», «Наша любовь тебе, Есенин!», «Любить по-русски», «Смех — дело серьезное», «Что наша жизнь? Абсурд!», «Гений человечества» (к юбилею Л. Толстого), «Поклонимся великим тем годам» (к 65-летию Победы), «Мы родом из детства» и др.).

Ассоциация участвует в долгосрочных проектах («Православные храмы Литвы», «Жизнь русской диаспоры города», «Живое слово»), проводит совместно с городским литературным объединением «Среда» конкурсы юных поэтов, организует поездки учителей в Пушкиногорье и во Псков, Псково-Печорский монастырь (при помощи православной церкви), по следам русской эмиграции учителя русского языка путешествовали по Европе, в течение года ежемесячно выходила в эфир радиопередача «Большая перемена», но, увы, из-за отсутствия финансирования ее закрыли.

Мы выпускаем два издания: научно-методический журнал «Глагол», в котором печатаются методические разработки уроков и дидактические материалы, актуальные статьи коллег из университетов Вильнюса, Шяуляя, Клайпеды, и журнал «ЛОТОС» — орган Литературного объединения творчески одаренных старшеклассников.

Ученики нашего города часто становятся победителями республиканских олимпиад по русскому языку, которые проходят каждый год в разных городах Литвы. В этом году в республиканской олимпиаде, посвященной Серебряному веку и творчеству Чюрлёниса, клайпедские школьники из шести призовых мест заняли три. Наши дети участвуют и побеждают в международных олимпиадах и конкурсах в Москве и Петербурге. Это победы не только учеников, но и их учителей-русистов, преданных своему делу.

Из всего сказанного можно сделать вывод: мы живы, мы принимаем участие во всех сферах общественной жизни, русская речь звучит в храмах, в школах, на радио и телевидении, в кинотеатрах... Но армия преподавателей стареет, многим уже за 50, а новые кадры в школе не появляются, да и взяться им неоткуда. Безусловно, у нас много проблем, но когда поздно вечером, проверяя детские тетради, среди других работ, посвященных русскому языку, я нахожу такие строки, то хочется верить в лучшее:

Родной, мне данный Богом и судьбой,
Открывший мир любви и созиданья,
Не окажись в моей Литве немой,
Язык надежды, веры и страданья...
Мне не простят ни Пушкин, ни Толстой,
Если предам тебя, мой русский, мой родной...

ИСТОКИ

«Троскинтарий» Суханова — «дневник» паломника-дипломата, руководствующегося принципом твердости в отстаивании национально-церковных интересов и соблюдением международных правил дипломатической этики, что предполагает, в свою очередь, хорошее знание нравов и обычаев той страны, в которой находится путешественник.

Л. Мальцев

*Леонид Мальцев
(Калининград)*

**АРСЕНИЙ СУХАНОВ:
ПАЛОМНИК, ПИСАТЕЛЬ, БИБЛИОФИЛ**

«*П*роскинтарий»¹ Арсения Суханова (1600–1668) – это самобытный памятник паломнической литературы, приближающийся по характеру к научно-путевым запискам. Автор произведения Арсений Суханов – распорядитель («строитель») Богоявленского монастыря, келарь Троице-Сергиева монастыря, государственный служащий, библиофил, эрудит. По поручению государственных и церковных властей Московской Руси Суханов в 1649–1653 годах совершил паломничество на Восток (в Иерусалим и Константинополь) с целью сравнения обрядов греческой и русской Церквей. Особое внимание он уделит греко-русским церковным связям и отношениям, проблематика которых получила наиболее полное выражение в «Прениях с греками о вере» (1650), важнейшем богословском сочинении писателя. В 1654 году Суханов побывал на Афоне, где получил в дар сотни рукописей, обогативших фонд синодальной библиотеки Русской православной церкви.

«Проскинтарий» Суханова, последнее по времени древнерусское хождение, является проявлением традиционных норм паломнического благочестия – сдержанности, простоты, трудолюбия. Понимая, что писать о странствиях по святым местам не менее трудно и ответственно, чем их совершить, Суханов предваряет свой литературный труд молитвой. Чрезвычайная требовательность к себе, по мнению К. А. Бе-

¹ От греч. *προσκυνητάριον* – «поклонник».

локурова, связана с приобретенными еще до путешествия профессиональными навыками переписчика, на работу которого «в прежнее время смотрели очень высоко, и работавшие всячески боялись ошибиться и в случае допущения ошибок даже каялись на исповеди» [1]. «Смирненное моление Суханова о прощении за погрешности, — уточняет исследователь, — было напрасным: в рукописи их почти совсем нет» [Там же].

«Проскинтарий» Суханова — «дневник» паломника-дипломата, руководствующегося принципом твердости в отстаивании национально-церковных интересов и соблюдением международных правил дипломатической этики, что предполагает, в свою очередь, хорошее знание нравов и обычаев той страны, где находится путешественник. Спецификой «Проскинтария» является и то, что исполненные благоговения мысли Суханова о Священной истории, события которой неразрывно связаны с Иерусалимом и окрестностями, «оттеняются» острой критикой в адрес современников за недостаточно благочестивое отношение к христианским святыням. Автор «Проскинтария» — поборник христианской культуры, ее защитник от напора цивилизации, с которой связана разрушительная и саморазрушительная деятельность человека. Суханов подвергает критике мирское отношение к святыням, когда приобретение незаконным путем «сувенира» из Святой земли кажется более важным, чем следование вечным религиозно-этическим нормам.

Взгляд Суханова на окружающую действительность — взгляд исследователя, смотрящего вглубь явлений, не довольствующегося их поверхностным описанием. Об ученом характере путевых очерков свидетельствуют, например, этимологические изыскания: описание Иерусалима предваряется сведениями «об имени его, откуда прият таково название». В отличие от авторов предыдущих хождений — Зосимы, Варсонофия, Трифона Коробейникова — Суханов не принимает априори услышанных или прочитанных им апокрифических легенд, а постоянно сопоставляет разные версии событий: например, он единственный среди известных нам писателей-паломников приводит альтернативную гипотезу о месте захоронения Адама. Этот фрагмент хождения показателен также интересом Суханова к этимологии библейских топонимов: «Гора Голгофа — то есть имя еврейским языком, а елинским языком: краний. Тут верхняя кость от главы, сиречь лоб, понеже де ту погребена глава Адамова. Инии же глаголют, яко Адам и Ева погребены суть в Хевроне со иными патриархи, идеже Авраам, Исаак и Иаков; а ныне место зовется Авраам» [2, с. 119].

Если в средневековых паломнических хождениях действительность и легенда слиты в нераздельное целое, то Суханов разделяет увиден-

ное собственными глазами от вычитанного из книг и услышанного от местных жителей. Например, ссылаясь на сборник слов Иоанна Златоуста «Маргарит», он приводит легенду о чудотворной воде, которую пила Богородица, испытываемая Иосифом, и «та вода в старое время преславная чудеса творила, ею испытывали девиц, есть ли чиста, или ни». «А ныне та вода таких дел не действует ничего, но проста, якоже и иная» [2, с. 131], – уже от себя добавляет Суханов, тем самым проводя границу между легендарным прошлым и эмпирическим настоящим, тем, что было «прежь сего», и тем, что есть «ныне».

В чем-то даже подготавливая почву для рационалистических воззрений Нового времени, Суханов оставался, по сути, убежденным приверженцем традиций. Например, он подтверждает реальность чуда, о котором до него писал паломник Василий Гагара: в египетской земле есть поле, на котором в Страстную пятницу «восходят» кости мертвых людей и лежат на нем до Вознесения, что является знаком-обещанием грядущего воскресения мертвых в соответствии с притчей о «поле, полном костей» из Книги Иезекииля (Иез. 37: 8 – 10). Любопытно уточнение легенды у Суханова: «Только де прежь сего выходили люди целые, а ныне де кости, и люди разрушенные, руки, ноги, головы и прочие составы, а целой де на притчю где сыщется» [Там же, с. 99]. В пересказе Суханова эта легенда свидетельствует о безусловном предпочтении прошлого настоящему, так как люди прошлого, сохраняя цельность духа, были ближе Откровению, тогда как современный человек оказался ввергнут в состояние телесно-душевного распада.

Характерная примета «Проскинтария» – любовь его автора к книжной культуре. Об этом свидетельствует, например, описание монастыря Архангела Михаила, включающее в себя и восторженный взгляд на богатый книжный фонд, и авторское сожаление по поводу плачевного состояния библиотеки. Лавра Святого Саввы, привлекающая особое внимание Суханова, тоже примечательна книжным изобилием. С библиофильством Суханова связан его особый интерес к личности Иоанна Дамаскина, который постригся и провел в кельях монастыря Святого Саввы многие годы жизни, посвятив себя писательскому труду. Келья Иоанна находится в каменном строении, которое «велико и высоко гораздо, якоб башня» [Там же, с. 128]. Это образ-символ горнего мира, книжной учености, удаленности от суетных забот «юдоли плачевной».

Посещение Лавры и обстоятельное ее описание в произведении Суханова было обусловлено тем, что автор последнего древнерусского хождения сосредоточил свой интерес и внимание на богослужбной проблематике. Именно в Лавре Святого Саввы в 524 году был введен

Иерусалимский (Палестинский) устав, регламентировавший порядок богослужений на всем христианском Востоке. На Руси Иерусалимский устав был принят в XIV веке при митрополите Киприане.

Задолго до Суханова запоминающийся образ Лавры создал первый русский писатель-паломник игумен Даниил: «Лавра же святого Савы есть уставлена отъ бога дивно и несказанно: потоць бе некако страшень и глубокъ зело и безводень, стены имя бе высоки, и на техъ стенахъ лпяць келии прилешлены и утвержены отъ бога некако дивно и страшно. На высоте бо той стоять келии по обема странами потока того страшнаго и лпяць на скалахъ, яко звезды на небеси утвержены» [3, с. 46].

Паломнический образ мысли и жизни — органическая составляющая древнерусских представлений о божественном мироустройстве и месте в нем человека, для которого руководство — нравственные нормы Нового Завета, изложенные в проповедях Иисуса Христа и его апостолов. Паломническое служение было ни чем иным, как выполнением долга перед Богом. Рассказывая о святых местах, паломник осознавал себя посредником между истиной, открывшейся в учении Христа, и отечественным миром и в этом смысле сам становился «тайным» проповедником Слова Божьего. Христианский этический идеал писатель-паломник обязан был утверждать не только на словах, но и собственным примером — подвижническим образом жизни: усердием в молитве, аскетизмом, незыблемостью православной веры.

Список литературы

1. Белокуров С. А. Арсений Суханов. Речь, произнесенная 27 октября 1891 г. перед защитой диссертации // История Святой Руси. Памятники древнерусской письменности. URL: www.nasledie.russportal.ru/index.php?id=history (дата обращения: 10.03.2012).
2. *Записки русских путешественников XVI—XVII вв.* М., 1988.
3. *Книга хожений.* Записки русских путешественников XII—XV вв. М., 1984.

ПРОСКИНТАРИЙ
Хождение старца Арсения Суханова
в 7157 году во Иерусалим и прочия святыя места
для описания святых мест и греческих церковных чинов
(отрывок)

От Иерусалима верст с пятнадцать до монастыря Святаго Саввы Освященнаго¹. В том монастыре церковь большая, в коей мощи святаго Саввы лежали, была якоб подобна нынешней вифлеемской церкви, без сводов каменных, но покрыта была дровом и по древу оловом; и та де церковь развалилася, и половина ея, что был пред церковию притвор, отпал, где был и гроб святаго Саввы. Царь де Иоанн Кантакузен² ту великую церковь покрепил, свод свел каменной, и кумбе³ учинил; в той церкви и образ написан царя Иоанна Кантакузена и царицы его на западной стене, идеже были двери у церкви в притвор. А что был притвор и палея, идеже гроб святаго Саввы, и то место ныне за монастырем стало, а ограда около его есть, и на том месте поставлен бысть шатрик на четырех столпах и палатным сводом сведен. А ныне меж тех четырех столпов стены заделаны, токмо двери единыя оставлены, и их замыкают. Да в ней же ныне сделан престол к стене восточной, и на нем служат литургию на память святаго Саввы без алтаря. Под полуденною стеною сделана гробница каменная, покрыта покровом, под тою же гробницею, в земле лежали мощи святаго Саввы; ныне, сказывают, нет в ней, как де владели Иерусалимом венециане⁴, и как турской у них опять взял, и они тогда мощи святаго Саввы вывезли, да и иныя многия святыни, и мощи святых из Иерусалима и из иных градов и островов, которыми они владели, все вывезли к себе в свою землю. Та каморка стоит вне монастыря внешнего.

А в ограде же церковь та хороша добре и светла без числа, понеже стала на самом краю Юдоли плачевной высоко в полуторы; с востоку и с полудня все окна большия, а с полуночи и западу те стены в монастыре палатами заставлены. Ту церковь построил деспот греческий Иоанн Кантакузен, и образ его написан в церкви на западной стене и сженою в царском платье и в венцах, на подножиях написаны орлы двоеглавые. Двери у той церкви одне, на полунощной стране в сени, тут в сенях и вода в цистерне.

Алтарь у той церкви, и переграда, и образы местные, и праздники письма добраго, токмо распятие на кресте, что стоит над царскими дверями, письмо с латинского обычая, обе ноги Христовы пригвождены нозе Христовы двема гвоздьми. Книг в церкви безчисленно много,

греческих, печатных и письменных дорогих писем, и греко-латинопечатных, и словенских, сербских много письменных.

Тут же в монастыре, выше монастыря на горе, палата каменная велика и высока гораздо, о пяти сводах, сиречь пятикровая, велика и высока гораздо, якоб башня; тут де были кельи Иоанна Дамаскина. А ныне в той келье учинена церковь, подписано стенное письмо, как царь Иоанна испытал о письме, что писал к нему ложно на Иоанна царь константинопольский иконоборец. На другом месте написано, как царь велел ему руку отрезать, а рука отрезана по локоть, а не по запястье. На третьем месте написано, как Богородица ему во едину ночь ту руку исцелила. В четвертом месте писано, как царь молит его, чтобы Иоанн в том его простил, что неправедно руку отрезал, и чтоб был у него по-прежнему визирем. В пятом месте писано, как он пришел в монастырь Святаго Саввы постригаться, и как его встречают игумен с братиею за монастырем. В шестом месте писано, как уже стар сидит в келье, книгу пишет; тут де с ним постригся и Косьма, иже бысть последи майюмский епископ⁵, взят от них из монастыря. А верх той церкви и около все кельи каменные.

Тут же в монастыре церквицы невелики, меж келий, с кельями равны во всем, — Иоанна Златоустаго, Георгия; да посторонь великой церкви, с полудни, церковь 40 мучеников, та не мала была. А алтари в тех церквах прегражены все досками и иконами, а престолы приделаны к стене. Трапеза каменная хороша, не добре велика, как в ряд 30 человек сядут; келий без числа много, иныя зарушились, а и целых много; воды внутрь монастыря без числа много же.

Да за монастырем же, близко гробницы святаго Саввы, в горе, церковь Святаго Николы, тут престол на среди алтаря, а переграда деревянная. Тут в стене заделано, сказывают, 360 мощей святых отец, избивенных от арабов. А благоухание в той церкви безчисленно хорошо, что и сказать нельзя — какой дух, пахнет сладко; тут же де было из горы шло миро, и то де миро поклонницы разобрали, и ныне нет, а благоухание чудное всем людям, а неведомо от чего. И в той же церкви вверх в гору пошла скважня, и там пещеры великия; а из тех пещер пошли в гору вверх скважни на гору, а на горе на самой башня великая, гораздо высока; на той де башне и самый святыи Савва жил, и тайно под землею тою скважнею сходил в церковь Святаго Николы и в великую церковь.

От великой же церкви по берегу юдольному, сажен с 50 к морю, в горе каменной издолблена келья святаго Саввы, и тут ныне церковь учинена невелика, престол у стены. Из той церкви на полночь окно

сделано, как мощно человеку пролезть, и там пещерка, человек 5 или 6 сядут тесно, а стоять нельзя. Из той же пещерки скважня в гору же, и там местечко тесно, как мощно человеку гораздо согнувшись лежать, и тут святыи Савва сыпал.

Против Саввиной кельи, на горе за монастырем, поставлена башня высока; на ней всегда старец сидит на стороже, запершися, а влезать по веревке, стережет отовсюду от арабов. А с той башни протянуто ужище⁶ и привязано концем за главу великой церкви, а навязаны около колокольчики небольшие; как где увидит арабов, и он зазвонит, даст весть в монастырь. На той их веревке ходит векша⁷ с иною веревкою, по той векше подают ему из монастыря ясти, и на арабов, которые приходят с той страны, и старец им дает своя пища, свеса по веревке. А другой приход арабам бывает к монастырю из самой Юдоли плачевной вниз под стену, и тут им подают есть, свешивают по веревке же, а в большия ворота не пропускают и не отворяют, не верят им.

Да из того же монастыря от трапезы вниз за монастырь двери во Юдоль плачевную. И влезши деревянною лестницею, идти берегом в самую Юдоль под камень в окно тесно, как мощно единому человеку пролезть, ступеня с два или три вниз, и там пещера великая под единым каменем, вместятся человек сто. Тут из камени точится вода, в том камени место издолблено, яко купель, и то стоит полно воды, называют ту воду агисма, ту де воду сам святыи Савва молитвою своею у Бога испросил и своими руками ископал. А иной воду нет, кроме дождевой; та вода сладка и чиста, а старцы оттуда не емлют, блюдутся арабов ходить; по Юдоли ходят арабы и ту воду пьют и емлют. Арабы все бусурманы пустынные, приходят от Авраама, а после велика дня отъидут, и во все лето их не будет тут.

По Юдоли плачевной горы каменные по обе стороны, дикой камень, а берега круты и высоки гораздо, земли нет, все голой великой крупной камень, а не мелкий. А в тех берегах, выше монастыря с версту и на низ столько ж, все были монастыри, живали братья по 50, и по 30, и по 20, и по 15, и по 10, и по 5, и по 2; а мелких скитников, где живали по одному брату, яко затворники, и тех пещерок и числа нету; инья еще целы, а инья многия зарушились и засыпались. А стоит монастырь, идучи от Иерусалима Юдолью, на правом берегу с самой горы на них во Юдоль, мало не до самого дна Юдоли; снизу стены высокия, а оттуда на гору стоят кельи, келья кельи выше, даже до высокой верхней башни, что на горе. От келий до башни есть темные проходы под землею, ходят по веревке рукою держатся. С приходу к монастырю от башни стена каменная по горе на низ, даже до нижней стены монастыря. И сказывали старцы, что тот монастырь Святаго

Саввы был пуст, жили в нем арабы лет с 12, а прежде 12 лет тех жили старцы лет со сто, а прежде тех ста лет был монастырь пуст, 100 лет жили арабы, а ныне де мы, как монастырь взяли, живем лет с 60; ходили в Царьград, взяли у царя грамоту. И тот старец и ныне жив в монастыре, который ходил старешенек; всей братии живет человек с десять, а иногда больше. А в Иерусалиме во Архангелове монастыре, в их метохе⁸ столько ж; а около монастыря на все четыре стороны нету ни одинаго деревца, овощей и огородов никаких нету, вода все дождевая. Да тут же, ниже большаго монастыря Святаго Саввы сажен ста с полтора, на правом же берегу в стене с полгоры кельи святаго Аркадия⁹, брата роднаго Иоанна Лествичника. Ксенофоновы дети, иже посла их до науки до Дирита¹⁰ и их разбило море, един пострижеса в синайском монастыре — Иоанн Лествичник, а другой у святаго Саввы в лавре — Аркадий. Мало выше монастыря Святаго Саввы был затворник, иже святыи Савва слышал ангелов поющих, прииде, ажно он преставился.

Комментарии

¹ *Лавра Саввы Освященного* — православный греческий мужской монастырь на территории Западного берега реки Иордан, в Иудейской пустыне, в долине Кедрон, основанный около 484 года преподобным Саввой Освященным.

² *Иоанн VI Кантакузен* — император Византии, правил с 1347 по 1354 год.

³ *Кумба* — купол.

⁴ *...ныне, сказывают, нет в ней, как де владели Иерусалимом венециане...* — В 1256 году мощи святаго Саввы были вывезены в Венецию. Возвращены в Лавру в 1965 году.

⁵ *Косма Маюмский* — Козьма Иерусалимский, византийский церковный поэт VIII века, считался братом Иоанна Дамаскина, был монахом Лавры святаго Саввы. Впоследствии стал епископом Маюмским.

⁶ *Ужище* — веревка.

⁷ *Векша* — здесь: каток в колодке, часть подъемного сооружения (перен.).

⁸ *Метоха* — подворье.

⁹ *...кельи святаго Аркадия...* — Суханов пересказывает здесь житийную историю о братьях Иоанне Лествичнике и Аркадии, в монашестве принявшем имя Георгий. В Лавре святаго Саввы есть скит («башня») Аркадия.

¹⁰ *Дирит* — Бейрут.

SUMMARY

The main theme of this edition is the destiny of the Russian language in the post-Soviet area and prospects of its preservation as means of international communication in the Commonwealth of Independent Countries and Baltic countries. As an introduction to the problem is an analytical article by Natalya Babenko "Russian language in the environment of another culture: problems and their solutions". ("Feature" section), which is dedicated to topics of legal status of the Russian language, preservation of ethnocultural identity, special role of the Russian language in the CIS and Baltic countries, review of humanitarian projects of "Russian World" Foundation.

The "Language: the pulse of time" section includes materials of reports, given at the international conference "Culture of language preservation of international communication in the CIS and Baltic countries", held at the I. Kant Baltic Federal University on 27–28 April 2012 with the assistance of the Intergovernmental Foundation for Educational, Scientific and Cultural Cooperation of the CIS member-countries. Theme unit opens with an introductory article, where general information about the conference can be found, a commentary of Alexander Chubaryan, a prominent Russian historian, is cited, and the resolution of the conference is quoted.

Problematics of the "Dynamics of Russian-speaking environment in the CIS and Baltic countries: cultural necessity or pragmatic request?" round table is reflected in the materials of experts from Armenia, Belorussia, Kazakhstan, Latvia, Moldavia, Russia, Tajikistan and Estonia. Suren Zolyan underlines, that an attempt of considering linguistical problems in the context of expat community or ethnic minorities doesn't lead to development of many-sided integration links and suggests a necessity to preserve a common civilizational field. The article of Tatyana Mlechko is devoted to the analysis of specific features of Russian linguistic personality, developed in the language and cultural environment of the Russian expat community of the Republic of Moldova over the last 20 years. In the material of Alexander Gaponenko the object of the politological and sociological analysis became a referendum on the issue of granting the Russian language the status of the second official language, which was held in Latvia on February 18, 2012. Amonshan Eshonkulov underlines the role of the Russian language as a unique means of international communication within the CIS.

In the analytical article by Svetlana Evstratova a revitalization of colloquial corpus of lexis, language game, lexical and graphic influence of foreign languages, characteristic about Russian-speaking mass media of Estonia are brought to light. Ivan Charota, reflecting on "optimal status" of the

Russian language outside Russia, notes its specific function as a mediatorial element at translation of works, firstly created in Belorussian, into other world languages. Rustam Salimov's article introduces a reader to the "State Programme of the improved teaching and learning of Russian and English languages in the Republic of Tajikistan for 2004-2014" and stages of its realization. In the material of Alexander Bondarev it's stated, that the guarantor of preservation of the Russian language, as means of international communication in the CIS and Baltic countries is the ability of Russian-speaking multiethnic culture to "enclote universal matter into its adequate dialogic forms". The section ends with the article by Natalya Sarsekeeva, where it is proven that the key factor of contemporary "intellectual" prose of Kazakhstan, drawn upon the Russian language, is its aspiration to intercultural and international dialogue.

In the second section of conference materials "Language educational policy in the CIS and Baltic countries: new trends" materials, dedicated to the problems of language policy and Russian language teaching in the countries of the former USSR are encompassed there. Tatyana Kudoyarova analyses school standards of education and Russian language curriculum for schools in Azerbaijan, Armenia, Belorussia, Kazakhstan, Latvia, Lithuania, Estonia, Moldova, Russia, Ukraine and Tajikistan. Vasily Starichenok refers to the crisis of the Russian language in Belorussia and points out, that the Russian language acts there in its regional variety, which is sometimes called "natiolect". Danute Balshaytite marks, that the crucial factor of rising interest towards learning Russian in Lithuania nowadays is an economic one – market development, networking with Eastern partners, growth of tourist flow from Russia and the CIS countries. Irina Karimova informs about state policy of the Republic of Tajikistan on the issue of development of the Russian language, underlining its growing role in the education system. Mahanbet Dshusupov shows that guarantor of preservation, development and outspread of foreign language is not its official status, but its educational one. Nayira Dashyan informs about special value of the Russian language and culture for the lives of Armenian nation, about a unique bilingual environment in this Republic. Igor Kalakauskas raises a question about a potentiality to preserve Russian schools in Estonia in difficult political circumstances. Larisa Gneusheva shares with teaching experience of the Russian language in schools of Klaipeda and reports about activities of "Vedi" Association.

In the "Origins" section, which concludes the edition, Leonid Maltzev presents "Proskynetarion" of A. Suhanov – an original diary of pilgrim-diplomat, who followed a principle of firmness in assertion of national-clerical interests and compliance with international rules of diplomatic ethics.

Об авторах

Бабенко Наталья Григорьевна – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой общего и русского языкознания БФУ им. И. Канта (Калининград), banagr@rambler.ru

Балшайтите Дануте – д-р гуманитар. наук, профессор Института иностранных языков Вильнюсского университета (Вильнюс, Литва), danubals@takas.lt

Бондарев Александр Петрович – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой литературы Московского государственного лингвистического университета (Москва), literatura_mglu@mail.ru

Гапоненко Александр Владимирович – д-р эконом. наук, профессор, президент Института европейских исследований (Рига, Латвия), AGaponenko@yandex.ru

Гнеушева Лариса Григорьевна – учитель-эксперт гимназии «Жалякальнио», руководитель методического объединения учителей русского языка русскоязычных школ, председатель ассоциации учителей русского языка «Веди» (Клайпеда, Литва), largneusheva@rambler.ru

Дашян Наира Аветисовна – канд. филол. наук, преподаватель кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета (Ереван, Армения), nara_dashyan@list.ru

Джусупов Маханбет – д-р филол. наук, профессор, почетный зав. кафедрой русского языка Узбекского государственного университета мировых языков (Ташкент, Узбекистан), mah.dzhusupov@mail.ru

Евстратова Светлана Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тартуского университета (Тарту, Эстония), destiny50@mail.ru

Золян Сурен Тигранович – д-р филол. наук, профессор, член комитета экспертов Европейской хартии региональных языков Совета Европы, член Общественного совета Республики Армении, председатель комиссии по вопросам меньшинств (Ереван, Армения), zolyan@brusov.am

Калакаускас Игорь – заместитель председателя Эстонской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (Таллин, Эстония), i.kalakauskas@trk.tln.edu.ee

Каримова Ирина Холовна – д-р пед. наук, профессор, академик Академии образования Таджикистана, президент Академии образования Таджикистана (Душанбе, Таджикистан), gumanizm@mail.ru

Кудоярова Татьяна Викторовна – канд. пед. наук, доцент кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, начальник учебно-методического управления Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва), kudoyashik@rambler.ru

Мальцев Леонид Алексеевич – д-р филол. наук, доцент кафедры зарубежной филологии БФУ им. И. Канта (Калининград), lamaltsev23@mail.ru

Млечко Татьяна Петровна – д-р педагогики, профессор, ректор Славянского университета в Республике Молдова (Кишинев, Молдова), mle4ko-t@mail.ru

Салимов Рустам Давлатович – д-р филол. наук, декан филологического факультета Российско-Таджикского (Славянского) университета (Душанбе, Таджикистан), www.s83@mail.ru

Сарсекеева Наталья Канталиевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии, русской и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби (Алма-Ата, Казахстан), sarsekeeva1403@inbox.ru

Старичёнок Василий Денисович – д-р филол. наук, профессор, декан факультета белорусской и русской филологии Белорусского педагогического университета им. М. Танка (Минск, Беларусь), starichenok@mail.ru

Цвигун Татьяна Валентиновна – канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы, директор научно-образовательного центра «Русская Балтика» БФУ им. И. Канта (Калининград), t_cvigun@mail.ru

Чарота Иван Алексеевич – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой славянских литератур Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь), ivancharota@mail.ru

Эшонкулов Амонжан Саидкулович – зам. директора департамента гуманитарного сотрудничества, общеполитических и социальных проблем Исполнительного комитета СНГ, ala21@tut.by

About authors

Babenko Natalia – doctor of Philology, professor, head of department of General and Russian Linguistics of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), banagr@rambler.ru

Balshaytite Danute – doctor of Humanities, professor of the Institute of Foreign Languages at Vilnius University (Vilnius, Lithuania), danubals@takas.lt

Bondarev Alexander – doctor of Philology, professor, head of the department of Literature of Moscow State Linguistics University (Moscow), literatura_mglu@mail.ru

Gaponenko Alexander – doctor of Economics, professor, head of the Institute of European Studies (Riga, Latvia), AGaponenko@yandex.ru

Gneusheva Larisa – teacher-expert of the “Zaliakalnio” gymnasium, head of methodical union of teachers of Russian language at Russian-speaking schools, head of the “Vedi” Association of Russian language teachers (Klaipeda, Lithuania), largneusheva@rambler.ru

Dashyan Nayira – PhD, lecturer of the department of the Russian language and professional communication of Russian-Armenian (Slavonic) University (Yerevan, Armenia), nara_dashyan@list.ru

Dshusupov Mahanbet – doctor of philology, professor, honorary head of the department of the Russian language of the Uzbek State World Languages University (Tashkent, Uzbekistan), mah.dzhusupov@mail.ru

Evstratova Svetlana – PhD, associate professor of department of the Russian language of the University of Tartu (Tartu, Estonia), destiny50@mail.ru

Zolyan Suren – doctor of philology, professor, member of committee of experts of the European Charter for Regional Languages of the Council of Europe, member of Community Council of the Republic of Armenia, head of Minority Commission (Yerevan, Armenia), zolyan@brusov.am

Kalakauskas Igor – vice of the head of Estonian Association of teachers of Russian language and literature (Tallinn, Estonia), kalakauskas@trk.tln.edu.ee

Karimova Irina – doctor of Education, professor, member of Academy of Education of Tajikistan, head of Academy of Education of Tajikistan (Dushanbe, Tajikistan), gumanizm@mail.ru

Kudoyarova Tatyana – PhD, associate professor of department of Russian Literature and Intercultural Communication, head of academic-methodical administration of the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow), kudoyashik@rambler.ru

Maltzev Leonid – doctor of philology, professor of the Foreign philology department of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), lamaltsev23@mail.ru

Mlechko Tatyana – doctor of Education, professor, rector of Slavonic University at the Republic of Moldova (Kishinev, Moldova), mle4ko-t@mail.ru

Salimov Rustam – doctor of philology, dean of the Philological department of the Russian-Tajik (Slavonic) University (Dushanbe, Tajikistan), www.s83@mail.ru

Sarsekeeva Natalya – PhD, associate professor of department of Russian Philology, Russian and World Literature of Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan), sarsekeeva1403@inbox.ru

Starichenok Vasily – doctor of philology, professor, dean of the department of Russian Philology of M. Tang Belorussian State Pedagogical University (Minsk, Belorussia), starichenok@mail.ru

Tzvigun Tatiana – PhD, associate professor of the department of the History of Russian Literature, director of the Russian Baltics (Kaliningrad), t_cvigun@mail.ru

Charota Ivan – doctor of philology, professor, head of the department of Slavic Literatures of Belorussian State University (Minsk, Belorussia), ivancharota@mail.ru

Eshonkulov Amonshan – vice president of the Department of Humanitarian cooperation, political and social problematics of the Executive Committee of the CIS, ala21@tut.by

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2012

№ 2

Редактор *Е. Т. Иванова*. Корректор *Е. А. Алексева*
Оригинал-макет подготовлен *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 18.07.2012 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 70×100¹/₁₆
Гарнитура «Book Antiqua». Ризограф. Усл. печ. л. 10,7. Уч.-изд. л. 7,6
Тираж 1000 экз. Заказ 146

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2012

№ 2

Редактор *Е. Т. Иванова*. Корректор *Е. А. Алексева*
Оригинал-макет подготовлен *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 18.07.2012 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 70×100¹/₁₆
Гарнитура «Book Antiqua». Ризограф. Усл. печ. л. 10,7. Уч.-изд. л. 7,6
Тираж 1000 экз. Заказ 146

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

